

504

1937

ბ. IV

თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის საქართველოს საზოგადოებრივი მეცნიერებების ინსტიტუტი
ГРУЗИНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ქვეყნის ისტორიისა და მაცნობის ინსტიტუტის ინიციატივით გამოსცემს. ნ. შატოვის სახ. *Из истории жизни, истории и матер. культуры им. акад. Н. Я. Марра*

მ ა ს ა ლ ა ბ ი

საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

გამომცემი IV ВЫПУСК

3649

მასალები

საბავთველს და კავკასიის ისტორიისათვის

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

ნაკვეთი IV ВЫПУСК

~~176.167~~
3

თბილისი
1937

დაიდრეჭდს სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის
საქართველოს ფილიალის განკარგულებით

Напечатано по распоряжению Грузинской
Филиала АН СССР

რედაქტ. ს. ჯანაშვილი

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. М. А. Полневков. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа	245—271
2. Приложение:—1733 г. Докладная записка представленная императрице Анне об умножении доходов с прикаспийских областей Кавказа, приобретенных Россией от Персии (на немец. языке) Замечания, относящиеся к истинной выгоде вашего величества в тех завоеванных персидских провинциях, которые, по персидским трактатам, остались за его величеством всероссийским (перевод)	275—282 283—290
3. ბ. გუგუშვილი. ქართული საბჭოთა ტარიფი	293—311

სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველო
ГРУЗИНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

მ ა ს ა ლ ე ბ ი

საქართველოს და კავკასიის ისტორიისათვის

МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КAVKAZA

საკმობი IV ВЫПУСК

გაბრიელა სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის
საქართველოს ფილიალის განკარგულებით

*Напечатано по распоряжению Грузинского
Филиала АН СССР*

რედაქტ. ს. ჯანაშვილი

О Г Л А В Л Е Н И Е

1. М. А. Полневков. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа 245—271
2. Приложение:—1733 г. Докладная записка представленная императрице Анне об умножении доходов с прикаспийских областей Кавказа, приобретенных Россией от Персии (на немец. языке) 275—282.
Замечания, клонящиеся к истинной выгоде вашего величества в тех завоеванных персидских провинциях, которые, по персидским трактатам, остались за его величеством всероссийским (перевод) 283—290
3. ბ. გუგუშვილი. ქართული საბაჟო ტარიფი 293—311

М. А. ПОЛИЕВКОВ.

ПРОЕКТ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ
ОККУПИРОВАННЫХ В XVIII В. РОССИЕЙ ПРИКА-
СПИЙСКИХ ОБЛАСТЕЙ КАВКАЗА.

Военно-феодалная экспансия Московского государства на Кавказ отчетливо определяется уже со второй половины XVI в. — после того, как это государство подошло к северным предгорьям Кавказа и начало довольно прочно утверждаться на Тереке. До начала XVIII в. не было, однако, еще достаточных внутренних предпосылок для того, чтобы эта экспансия приняла определенно агрессивный характер; не благоприятствовала этому и внешняя международная обстановка. Военные и финансовые силы Москвы, расшатанные, к тому же, социально-политическим кризисом конца XVI в. — нач. XVII в., не позволяли думать о захвате такого отдаленного и по природным условиям трудно преодолимого края, как Кавказ; экономика Москвы не требовала еще политического завладения кавказским рынком. Предстояло еще предварительно освоить и переварить такое крупное территориальное приобретение, как Поволжье. И только с начала XVIII в. кавказская политика русского царизма принимает определенно выраженный наступательный характер, и Россия глубоко вклинивается в Кавказ и за Кавказ со стороны его восточных, прикаспийских областей.

Такое изменение курса кавказской политики России в сторону начала прямого захвата Кавказа стояло в прямой связи с тем новым общим, и на этот раз в гораздо более широком масштабе, оживлением завоевательных стремлений, какое проявляет в это время русский царизм, удовлетворяя в данном случае, интересы как русской землевладельческой феодальной верхушки, так и русского торгового капитала, и прежде всего — в связи с оживлением этих стремлений вопять-таки на Балтийском море. Тесная, если можно так выразиться, „органическая“ связь в русской экспансии и в

русской внешней политике за это время балтийского и каспийского вопроса обычно не достаточно четко оттеняется. А между тем такое сопоставление, и не в смысле перебора в их чередования, по их первоначимости, в отдельные хронологические моменты, а как две стороны одной и той же одновременно проводимой программы, напрашивается само собою. Россия, как европейско-азиатский транзит— вот, что надо иметь прежде всего в виду, говоря о такой тесной увязке в XVI—XVIII вв. северо-западной „европейской“ и юго-восточной „азиатской“ политики России и о той роли, какую в этой увязке играл балтийско-волжско-каспийский путь, один из основных стержней экономики России в эту эпоху.

Почти полное хронологическое совпадение завоевания Москвой Поволжья и начала сношений, главным образом, на торговой почве, Москвы с Англией, конечно, не было „историческою случайностью“. И как только во вторую половину XVI в. налаживается этот европейско-азиатский транзит через Москву, в московской политике всплывает балтийско-каспийский вопрос. На европейском выходе этого транзита нащупывается возможность захватить его более удобное во многих отношениях ответвление — к Балтийскому морю и притом в форме политического овладения балтийским побережьем; на азиатском — без каких-либо еще явно выраженных захватнических поползновений, принимаются меры к укреплению и расширению занятой позиции. Когда в начале XVIII в. в русской политике вновь оживляются завоевательные стремления, это оживление проявляется опять таки прежде всего в сфере балтийско-каспийского вопроса¹.

Поворотной хронологической датой в данном случае берется, обыкновенно так называемый „персидский поход“ Петра I 1722 — 1723 гг., имевший своим результатом русскую оккупацию Дербента, Баку, Гиляна, Мазандерана и Астрабада (последние две провинции, впрочем, Россией фак-

¹ О тесной связи балтийского и каспийского вопросов во внешней политике России, в особенности в XVII в. и в начале XVIII в. см. Е. Зевакин и М. Полиевктов. К истории прикаспийского вопроса, главн. обр. стр. 37-41 (Тифлис, 1934).

тически почти не занимались). Но это, конечно, лишь очень условная дата. Захват прикаспийских областей Персии намечался задолго до этого и даже еще до того, как определился благоприятный для России исход Северной войны. Еще в 1710 году, следовательно еще за два года до того, как разыгрались шемахинские события, использованные впоследствии, как благовидный предлог для наступления на прикаспийские области, датский резидент при русском дворе Георг Грунд сообщал своему правительству, основываясь на открытых заявлениях самого Петра, о видах царя на Гилян, как на богатый источник для покрытия с избытком всех издержек по войне со Швецией.

С другой стороны, те разведки, какие производились в Прикаспийском крае непосредственно пред самым персидским походом, как, например, недавно частично опубликованное описание этого края Волинского, а также в годы самой оккупации, как, например, известное описание И.-Г. Гербера, определенно обнаруживают стремление русского царизма политически прочно утвердиться в захваченном прикаспийском рынке¹. Северная война и оккупация прикаспийских областей — два тактических момента одного и того же стратегического плана петровской политики.

В основе и балтийского, и каспийского вопроса лежала, как было сейчас сказано, проблема европейско-азиатского

¹ Донесение Грунда — G. L. Grove. Georg Grundt's Bericht über Russland in den Jahren 1705 — 1710 (Зап. АН ио ист.-фил. отд., т. IV, № 7).

Описание Персии А. Волинского частично опубликовано Е. Зевариным. Азербайджан в начале XVIII в. (Изв. О-ва Обслед. и Изуч. Азербайджана, № 8, вып. IV; Баку 1929). Майор (впоследствии полковник) артиллерии Иоанн-Густав Гербер составил в 1728 г. карту прикаспийских областей и их описание. Карта Гербера была издана Академией Наук в 1736 г., а его описание, с более поздними дополнениями, было опубликовано Акад. Г.-Ф. Миллером: Nachrichten von denen an der westlichen Seite der Caspischen See zwischen Astrachan und dem Flusse Kur befindlichen Völkern und Landschaften und von derselben Zustände in dem Jahre 1728 (Sammlung Russischer Geschichte, Bd. IV st. 1—2 1760; русский перевод — Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекою Куром народов и землях и о их состоянии в 1728 г. в „Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих“, 1760, июль — октябрь).

транзита. Неудобства беломорского выхода этого транзита начали, повидимому, сознаваться довольно рано. Эти неудобства проистекали, главным образом, от краткосрочности навигационного сезона в северных водах, а также вследствие отсутствия сплошного бесперегрузочного водного сообщения между бассейнами Волги и Северной Двины. Северная война отдавала в обладание России все остзейское побережье с гаванями Ригию, Пернау, Ревелем, Нарвою, вновь основанным Петербургом и Выборгом. Сокращалась общая протяженность транзита, и он получал выход в море с более продолжительным сезоном навигации. Предпринятое одновременно и в связи с этим соединение каналами Волги и Балтийского бассейна создавало сплошной водный путь между Балтийским и Каспийским морями¹. Овладев более удобным вариантом северо-западного выхода транзита, русский царизм и переходит теперь ко второй части своей балтийско-каспийской программы: в интересах русского торгового капитала он пытается политически овладеть тем рынком, который примыкал к юго-восточному выходу европейско-азиатского через Россию транзита. При этом имеется в виду не только Кавказ, как таковой, но и открывающиеся отсюда, хотя и в отдаленной перспективе, возможности на Ближнем Востоке, включая сюда не только Малую Азию, но и всю Персию, и Закаспийские области, и даже Индию. Внешняя обстановка и благоприятствовала такой попытке, и заставляла с нею торопиться.

Персия в конце XVII и начала XVIII века переживает период политического упадка и разложения. Отдельные феодалы шаха поднимают головы; в 1709 г. — это Мир-Вейс

¹ С каким живым интересом следили в Западной Европе за этими сооружениями и какое придавали там им значение, видно хотя бы из замечания датского посланника в России Вестфалена, который, сравнивая Ладожский канал с известным Лангедокским каналом Людовика XIV, соединявшим Гаронну с Средиземным морем в своей реляции от 15 (26) сент. 1724 г., писал: „Il n'y aura point de pareille ouvrage à trouver en Europe, la jonction des deux mers, qui s'est fait sous Louis XIV par un pareil canal, doit être un jeu d'enfant en comparaison de celui-ci“. (Датск. Госуд. Архив в Копенгагене; Relationes aus Russland 1723 — 1724).

авганский, несколько позднее захвативший Исфагань и изгнавший оттуда самого шаха Тахмаспа. В 1712 г. — это при между собою поднявших теперь головы отдельных прикаспийских феодалов, что привело к разгрому Шемахи, отчего пострадали здесь некоторые, в том числе и русские, торговые фирмы. Между Персией и Россией возникли по поводу всех этих событий дипломатические переговоры, и в Персию в 1715 г. был послан начинавший тогда свою карьеру Артемий Волынский. Дипломатические переговоры были, впрочем, простою проволочкою времени — до благоприятного момента. Такой момент и наступил — после того, как на берегах Балтийского моря была одержана „преславная виктория“. Теперь был пред'явлен счет и за шемахинские события 1712 г. под благовидным, однако, предлогом наказать „сих бунтовщиков, обеим сторонам вредных“.

Однако если хотели захватить прикаспийский рынок и утвердиться на путях Астрахань — Шемаха — Исфаган, то приходилось торопиться. На эту добычу метила не одна Россия. Неурядицы в Персии оживили в Турции старую мысль о возможности теперь пробиться к Каспийскому морю, чего всегда боялись в России. Продвижение Турции к Каспийскому морю означало образование на юг от Кавказского хребта такого же турецкого барьера, какой Россия всегда старалась прорвать на Северном Кавказе. Утверждение Турции в прикаспийских областях означало, что весь гилынский шелк пойдет в Европу по южному пути — Алеппо — Смирна, а это, конечно, должно было нанести значительный ущерб русскому транзиту. Выход на ближневосточный рынок через Кавказ для России, в таком случае, закрывался подобно тому, как та же Турция закрыла для нее выход в Черное море, вынудив вернуть ей в 1711 году захваченный Азов. За Россией на юго-востоке остался бы лишь один путь — через закаспийские пустыни, еще так недавно, в 1717 году, погубившие экспедицию князя Черкасского-Баковича и едва не погубившие несколько позднее, в 1731 г., другую экспедицию, упомянутого выше полковника

И.-Г. Гербера. Все это и заставляло, повидимому, в 1722 г. спешить с захватом прикаспийских областей¹.

Внешняя схема захвата этих областей русским царизмом и обратной уступки их Персии дана Бутковым, Соловьевым и Потто, хотя, конечно, даже для такой внешней схемы архивы могут дать еще много существенного². Кавказский, и в частности прикаспийский вопрос в начале XVIII века в общей системе международных отношений требует еще углубленного изучения; здесь особенно чувствуется почти полная неразработанность соответствующего архивного материала. И, наконец, остается почти совершенно не изученным вопрос о хозяйственной эксплуатации русским царизмом оккупированных им в начале XVIII в. прикаспийских областей Кавказа, — первый случай „экзотического“

¹ Персидский поход 1722 г. был как бы частью общей программы наступления на Каспий с обеих его сторон — и со стороны Кавказа и со стороны Закаспийских областей. Одновременно с тем, как Волынский вносил последние штрихи в программу захвата прикаспийских областей Кавказа, в 1716 была предпринята так трагически закончившаяся экспедиция в Хиву, которую возглавлял князь Александр (Девлет-Гирей-Мурза) Черкасский-Бекович, северно-кавказский феодал русской ориентации, за два года до этого представивший Петру I записку в колониальном захвате Северного Кавказа (см. „Черкасский, князь, Александр Бекович“ в соответствующем томе „Русского Биографического словаря“, стр. 177 и след.) Поручик Кожин, обслуживавший, в качестве картографа такое обоюдостороннее наступление на Каспий, составил новую карту всего Каспийского моря; см. П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, т. 1 стр. 5 (СПБ 1869).

² С. Соловьев. История России, т. XVIII, гл. I; XIX, гл. I и отчасти 2 и 3 и т. XX, гл. I (в издании 1893 г. в кн. IV; в дальнейшем цитируется сокращенно — Соловьев), суммарно. П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа 1722-1803, т. I гл. обр. гл. 1-36 и приложения А-Е (СПБ 1869; в дальнейшем цитируется сокращенно — Бутков), как вообще все это издание, бессистемно. В более недавнем прошлом Соловьева и Буткова подытожил и с внешней стороны довольно стройно скомпилировал Потто, уснастив, конечно, свое изложение свойственной ему шовинистической лирикой (а также и соответствующими умолчаниями); см. В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, г. I (СПБ 1885) и его же Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии, гл. II и III (Тифл. 1899).

хозяйничания царистской России в крае столь резко отличающемся по природным, а отчасти и по этническим и социальным условиям от широт, более северных, восточно-европейской равнины. А меж тем этот вопрос, помимо общей его значимости в общем контексте истории наступления русского царизма на Кавказ, имеет свой специфический интерес и для данного момента этого наступления, и вот почему. С оккупацией прикаспийских областей, как известно, просчитались и к середине тридцатых годов XVIII в., при императрице Анне, эти области, по частям, были целиком возвращены Персии. Цель этой оккупации, была как уже знаем, двоякая: непосредственно-экономическая — захват прикаспийского, главным образом, гиянского шелкового рынка и ведущих отсюда в Малую Азию и к Индии путей, и превентивно-политическая — не дать Турции прорваться к Каспийскому морю. Оккупированные прикаспийские области оказались нерентабельными; несмотря на то, что доходы с этих провинций, хотя и медленно, но неуклонно возрастали, они все же далеко не покрывали расходов деньгами и людьми (непомерная смертность в расквартированных здесь русских войсках). Когда в Персии снова наступила известная политическая устойчивость, а вместе с тем создавалась гарантия от появления турок на Каспийском море (шах Надир), Россия нашла возможным очистить оккупированные ею области. Так истолковывалась эта обратная уступка самим правительством Анны; такое истолкование давалось этим событиям и всеми последующими исследователями; Бутковым, Потто и в самое последнее время Е. Зевакиным¹. При этом не ставился ни разу вопрос: не было ли сделано каких либо попыток поднять рентабельность оккупированных областей? Если же такие попытки были, и тем не менее, по политическим соображениям, все же нашли необходимым уступить обратно эти области, то

¹ Е. Зевакин. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. (Изв. О-ва обследования и изучения Азербайджана, № 5; (в дальнейшем цитируется сокращенно—Зевакин), а также: „Азербайджан в начале XVIII в.“ и „Конфликт России с Персией в середине XVII в.“ (обе—*ibid.*, № 8, вып. IV).

возможно ли объяснить такое решение, вращаясь исключительно в плоскости международной политики, да к тому же еще только в узкой сфере русско-персидско-турецкой конъюнктуры того времени?

В свое время мое внимание обратил на себя один остающийся до сих пор неопубликованным архивный документ, который, мне кажется, дает возможность и поставить эти вопросы, и дать на них посильный ответ.

Названный документ хранится в „Миллеровских Портфелях“ в „Государственном Архиве феодальной и крепостнической эпохи“ (ГАФКЕ) Центрархива РСФСР в Москве: портфель 348, док. № 13¹. Документ занимает восемь листов среднего формата, заполненных, кроме первого, текстом с обеих сторон. На обложке документа — архивный заголовок: „Замечания об областях, приобретенных Россией от Персии“; на первом листе самого документа — авторский заголовок: „Remarques zum wahren Interesse Ihre Kaysserl. Mayst. über die conquestirte Provinzien in Persien, welche an S-r Kaysserl. Mayst. von Gross-Russland nah den Persischen Tractaten verblieben seyn“. оборот первого листа оставлен чистым; со второго листа начинается текст. По форме, да как ясно следует и из самого текста (ср. л. 3 начало), это — официальная докладная записка, составленная по правительственному поручению, о возможности поднятия доходности прикаспийских областей, оставшихся за Россией после уступки обратно Персии Гилян, Мазандарана и Астрабада (по Рештскому договору 1732 г.). Документ на немецком языке первой половины XVIII в., совершенно правильном, но изобилующим, что вполне свойственно этой эпохе, французскими и иногда латинскими словами; написан готическим письмом в перебивку с латинским.

Предложения автора „Remarques“ по вопросу о поднятии доходности прикаспийских областей разбиваются на двенадцать статей, которые он излагает в форме отдельных пара-

¹ См. Приложенне.

312-1000000

графов, имеющих каждый, кроме последнего, заключительного, особый заголовок. Эти параграфы следующие: 1) о нефти, 2) о соли, 3) о табаке, 4) о шафранных садах, 5) о хлопчатой бумаге, 6) о товарных складах, торговле и транспорте, 7) о культуре виноградарства, 8) об овцеводстве и шерсти, 9) о рудниках, 10) о теплых водах и минеральных источниках, 11) об умножении государевой казны и 12) (без особого заголовка) об освобождении солдат от каких бы то ни было хозяйственных обязанностей.

Почти каждый из этих параграфов заключает в себе как бы две части: информационную, заключающую в себе сведения о современном положении, и программную, рекомендующую по данному параграфу соответствующие мероприятия.

Первые шесть из этих параграфов относятся, главным образом, к Баку; следующие четыре больше всего к Дербенту и, наконец, последние два имеют общий характер. Всем этим предложениям в самом начале документа (л. 2) предпослано краткое резюме (Summarischer Extract), которое также распадается на 12 пунктов, но в несколько иной разбивке: § 5 (о хлопчатой бумаге) в этом резюме пропущен, а § 6 (о товарных складах, торговле и транспорте) разбит на два. Между этими резюме и самыми предложениями — нечто вроде краткого вступления, в котором автор дает мотивировку своей записки и ее основные установки. Далее следует уже перечень конкретных предложений. В конце своей докладной записки автор оговаривается, что кроме всех этих предложений можно было бы сделать еще много и других. Он не смотрит, таким образом, на свой проект, как на нечто исчерпывающее, чем и объясняется, быть может, отсутствие в „Remarques“ такой важной для Прикаспийского края хозяйственной статьи, как рыболовство, которое в русском оккупационном хозяйстве в этом крае играло уже тогда довольно крупную роль⁸.

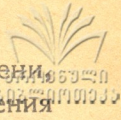
⁸ Ср. например, Бутков, т. I, стр. 150, прим. I и 151: казенные сборы в Гиляне поступали, между прочим, и с рыбных ловель; в Сальянах откупных денег за рыболовство собиралось в год до 15.000 руб.

Документ не датирован, и имя его автора в нем не упоминается. Приблизительная его датировка устанавливается довольно точно двумя моментами. С одной стороны, документ постоянно говорит об уступке Россией Персии части прикаспийских провинций обратно, как о факте уже совершившемся, причем в одном месте (л. 4) определенно указывает, что персияне уже владеют Гиляном (Bey den jetzigen Coniuncturen, da die Persianer Gilan besitzen). Документ должен быть отнесен, таким образом, ко времени не ранее заключения только-что упомянутого Рештского договора 21 января 1732 года. С другой же стороны, в документе упоминается (л. 4 об.) о некоем Драга-султани, который во время русской оккупации Баку перешел на сторону Персии. Речь здесь идет о юзбаше персидского гарнизона в Баку Магмут-Дериа-Кули, который после взятия этого города русскими донес о сношениях местного султана с их противниками и был назначен русскими военными властями на место этого последнего. В 1724 г. он бежал в Шемаху, но через несколько лет выхлопотал себе прощение и вернулся обратно; в 1730 году он снова отпал от России и ушел на этот раз к шаху Тахмаспу, но в 1732 году снова вернулся в Баку¹. Наш документ, говоря о Драга-султани, не упоминает об этом вторичном его возвращении в Баку. Это позволяет установить приблизительный *terminus ante quo*: „Remarques“ должны быть отнесены к 1732 г. — не позже.

Кто был автором „Remarques“? На этот вопрос можно отвечать лишь предположительно: тот же упоминавшийся выше Гербер. На это имя наводит, прежде всего, местонахождение документа — в портфелях акад. Г.-Ф. Миллера, который впоследствии издал герберовское описание прикаспийских областей Кавказа, и при том именно в том портфеле, где хранятся другие документы, имеющие близкое отношение к этому описанию. Есть и другие соображения, говорящие за это имя. „Remarques“ — официальная докладная записка, составленная по правительственному поручению; следовательно, это — документ петербургского происхождения. От-

¹ Бутков, т. I стр. 48, 49, 69 и прим. 2, 138 и 373.

носится эта записка к 1732 году. Как раз к этому времени, вероятно около июля, т. е. через полгода после заключения Рештского договора об обратной уступке Гиляна (январь 1732 г.), Гербер, долгое время перед этим (1722 — 1729 гг.) служивший на Кавказе, побывавший в Грузии и хорошо знавший весь этот край, вернулся в Петербург из своей неудачной хивинской экспедиции¹. В момент, когда стоял на очереди вопрос о прикаспийских областях, естественно было для петербургских „сфер“ прежде всего заинтересоваться мнением лица, знавшего хорошо и прикаспийский край Кавказа, и только-что испытавшего на своей спине трудности закаспийского караванного пути, единственного пути, который оставался бы для России, если бы после обратной уступки Персии всех ее оккупированных Россией областей, Турция прорвалась к Каспийскому морю. То, что автор „Remarques“, говоря о герберовской хивинской экспедиции, называет Гербера в третьем лице, легко объясняется, как простой стилистический прием. Гораздо характернее другое — для иллюстрации трудностей и опасностей караванного пути через закаспийские степи он берет именно герберовскую экспедицию, о которой, очевидно, лично у него свежа была память, и не упоминает о другой, закончившейся гораздо более трагично, об экспедиции 1717 г. князя Черкасского-Бековича. Самая мысль о развитии каспийского судоходства, на чем, как увидим ниже, базируется почти вся программа „Remarques“, скорее всего могла зародиться в голове того, кто был полон впечатлений о только-что пережитых закаспийских караванных неожиданностях.

Перейдем теперь к более подробному анализу „Remarques“. Попытаемся найти то место, которое они занимают в русской экономической политике второй четверти XVIII в. Попытаемся ответить на вопрос — почему эти „Remarques“

¹ Биография Гербера — в „Русском Биографическом словаре“ (СПБ 1916). Возвращаясь из своей хивинской экспедиции, Гербер был в Астрахани в мае 1732 г. и скоро двинулся оттуда дальше (I.-J. L e r c h Auszug aus dem Tagebuch von einer Reise... aus Moscau nach Astrachan... в B ü s c h i n g. Magazin für die neue Historie und Geographie, ч. III, стр. 4; Hmbg 1769). Следовательно он мог быть в Петербурге к концу июня.

остались на бумаге и ни в чем не отразились на хозяйственном управлении оккупированными прикаспийскими областями? А это, естественно, подведет нас и к другому вопросу — почему русское правительство вместо того, чтобы начать систематически эксплуатировать захваченный богатый рынок, вынуждено было уступить свои прикаспийские завоевания обратно?

Е. Зевакин, опубликовав в своей работе сводки доходов и расходов по отдельным прикаспийским провинциям, исчисляет чистый доход со всех этих провинций за 8 лет (с 1723 по 1731 гг.) в 388.669 руб. и приходит к выводу, что доходность этих провинций постепенно возрастала, но все же далеко еще не достигла к 1732 г. уровня, так сказать, „довоенного времени“: до русской оккупации эти провинции давали в два раза больше. Прямого финансового дефицита, таким образом, как будто бы и не было. Но у Е. Зевакина только местные расходы. Надо прибавить еще и общегосударственные: аммуниция, транспорт, крепостные сооружения и т. п., и, наряду с этим, — расход живой силы. По подсчету Зевакина, из общего числа, посланного в прикаспийские области, 61.090 человек выбыло из строя 41.172 (около 68 проц.); из этого числа — убитых только 519 чел. (около 0,8 проц. общего числа), а умерших от болезней — 36.664 человека (около 61 проц.)¹.

Нерентабельность обуславливалась, в значительной степени, примитивной организацией хозяйственного управления в оккупированных областях. Правильнее говоря, никакой такой организации не было вовсе: было самое примитивное хищничество. Хозяйственное управление было возложено на местные военные оккупационные власти, которые одни из хозяйственных статей (повидимому, из тех, которые и в персидскую эпоху принадлежали непосредственно казне) эксплуатировали сами, в порядке государственных регалий, силою и трудом нижних чинов; другие отдавали в аренду и, кроме того, взимали различные сборы с частного хозяйства местного населения. Никакого контроля над этим ка-

¹ Зевакин, стр. 7 и 10.

женным военным хозяйственным управлением организовано не было, отчего развивалось хищение, и доходы притекали не столько в казну, сколько в карманы начальников отдельных военных частей, а солдат превращался в крепостного у своего начальства по службе. Никаких попыток развить новые хозяйственные культуры, организовать торговлю и транспорт, конечно, не делалось¹. Вся эта система была, повидимому, унаследована от персидского правительства, с тою только разницей, что персидское правительство и его агенты умели находить общий язык хотя бы с эксплуатирующей верхушкой местного общества, тогда как от вновь появившихся „хозяев“, совершенно чуждых местному населению, все это население, разоренное войною, все — от низов и до верхов, и эксплуатируемые и большинство эксплуататоров, попросту разбежались.

Такой примитивной системе государственного хозяйства (правильно сказать — бессистемному хищничеству) „Remarques“ противопоставляют: полное отделение военного управления от хозяйственного с созданием особых органов хозяйственного управления и учреждением правильного контроля и ежемесячной отчетности; развитие системы непосредственной хозяйственной эксплуатации государственных регалий и отмену системы сдачи этих регалий в аренду; создание более благоприятных условий для развития частного хозяйства и, в первую очередь, крупных торговых капиталических кампаний; урегулирование системы различных государственных сборов (таможенных пошлин, акциза и т. п.), как в смысле смягчения способов их взимания, так и в смысле некоторого снижения ставок; развитие транспорта, главным образом, водного, за счет сухопутного, караванного.

Подумать в 1732 г., после Рештского трактата, о правильной организации государственного хозяйства в оккупированных прикаспийских областях было более, чем своевременно. С утратой богатого Гиляна, отходившего по этому

¹ Специального исследования об организации хозяйственного управления в оккупированных Россией в начале XVIII в. прикаспийских областях Кавказа пока не существует. Данные по этому вопросу можно извлечь из Буткова и Зевакина.

трактату обратно к Персии, Россия лишилась главного источника своих доходов в этих областях. При русской оккупации доходы с Гиляна составляли 90 проц. всего чистого дохода, получавшегося русским правительством со всех оккупированных прикаспийских областей¹. Главный доход получался от шелка, которого Гилян давал до 70.000 пудов в год, что при средней цене шелка, в зависимости от сорта, от 56 до 75 р. за пуд, составляло сумму до 4.500.000 руб.² „Шелковый“ вопрос в закавказской политике России уходит корнями далеко в прошлое, куда следовать за ним мы здесь не будем. Персидский поход 1722 г. в этом отношении может быть назван походом за гилянским шелком. Шелк, шедший из Персии в Европу через Алепо и Смирну, должен был составить главную статью трансроссийского транзита, и Петр I в 1724 г. предполагал договориться с Англией и Францией о доставке всего персидского шелка через Россию. Предполагалось развитие шелководства и в других областях России, и в том же 1724 г. в Гилян были отправлены молодые люди из Кизляра и Астрахани для обучения этому делу³. Все это рушилось с утратой Гиляна, и все эти предположения сводились на нет. Надо было искать новую хозяйственную базу. Такой основной базой, по моему „Remarques“, должен был стать теперь Баку и главные виды бакинской промышленности, в первую очередь нефть и, отчасти, соль, а также табак, шафран и хлопок. Одновременно с этим Баку, благодаря его благоприятному приморскому положению, с развитием водного транспорта, должен стать главным узлом всей переднеазиатской торговли.

¹ Зевакин, стр. 8.

² Бутков, т. I стр. 38 и 146 прим. 3.

³ Ibid, стр. 146. Путь в Смирну, в значительной своей части караванный, был вдвое дороже, чем сплошной водный через Россию (ср. реляция французского посланника в России Кампредона от 31 мая 1723 г. — Собрн. Русск. О-ва, т. XLIX, стр. 342). Русское правительство старалось склонить армянскую компанию в Персии к экспортированию своего шелка через Россию, и Волынскому предписывалось даже стараться „не можно ли препятствия какова учинить Смирнскому Алепскому торгам, где и как“. (Соловьев, кн. IV, стр. 664).

Создать новый Баку — вот основной стержень, вокруг которого обвиваются все предложения „Remarques“.

Прежде всего нефть и соль. „Remarques“ сообщают некоторые сведения, вполне совпадающие с другими источниками и свидетельствующие о широком потреблении уже в то время бакинской нефти. Бакинская нефть шла, главным образом, в соседний Гилян, а также морем на судах персидской конструкции („киршимах“) в Бухару. Сбыт был очень велик: по свидетельству Кампредона персидское правительство получало в год с нефти до 150.000 экю (около 300.000 р.) пошлин¹. В свое время Петр I интересовался нефтью², но в русском оккупационном хозяйстве эта статья не получила достаточного развития, и сбыт нефти значительно упал. Экспорт в Бухару прекратился совершенно, что можно было объяснить условиями военного времени; но сократился и экспорт в Гилян, хотя провинция эта и входила в состав русской оккупации. Главные нефтяные источники эксплуатировались самою казною, более мелкие сдавались в аренду местным жителям (одним из таких главных держателей нефтяной, а также соляной аренды был упомянутый выше Магмут-Дерия-Кули). Население покупало нефть, прежде всего, у своих соотечественников, чем устанавливалась рыночная цена на этот продукт, которой должна была подчиниться и казенная продажа. Также велик был и сбыт из бакинской области соли, которую автор „Remarques“ ставит по качеству выше люнебургской и которая из Баку расходилась по всей Персии. Соляное хозяйство в годы русской оккупации было организовано так же, как и нефтяное, и приносило очень мало доходу³.

¹ Реляция Кампредона от 20 сентября 1723 г. Сборн. Русск. Ист. О-ва, т. XLIX, стр. 384.

² См. „пункты“ генерал-лейтенанту Матюшкину (май 1724 г.) у Соловьева, кн. IV, стр. 683, „Remarques“, вообще, во многих отношениях являются возвращением к тем широким хозяйственным планам, какими задавался Петр I в своих новых прикаспийских приобретениях, и которые не осуществились. „Пункты“ Матюшкину в этом отношении представляют большой интерес.

³ На основании данных у Буткова и Зевакина не представляется возможным выделить соляной бюджет, и тем самым цифрами проверить это положение „Remarques“.

По мнению автора „Remarques“, система сдачи в аренду должна быть совершенно уничтожена, и нефть и соль должны быть объявлены безусловными регалиями, очевидно в том расчете, что при правильной организации государственного хозяйства на тех началах, о которых было уже сказано выше, казна тем самым получит возможность монопольно диктовать цены на нефть, а отчасти и на соль, на всем местном рынке. Кроме того, „Remarques“ рассчитывают на увеличение экспорта нефти в Гилян после того, как эта область снова отошла к Персии.

Несколько иначе обстоит дело с хлопком и табаком. Оба эти продукта культивировались, главным образом, в сальянской области и в Сейдане. Что касается хлопка, то поскольку можно судить из текста документа — соответствующий пункт в „Remarques“ редактирован очень коротко — за казною должно было быть оставлено лишь право монопольной скупки этого продукта. Весь хлопок должен был направляться в Астрахань, отчасти, очевидно, для сбыта в Западную Европу, где в это время хлопчатобумажная промышленность начинает конкурировать с шерстяной, а отчасти, быть может, и как сырье для будущего хлопчатобумажного производства в самой России¹. В Астрахань должен был направляться и табак, поскольку этот продукт сдавался местным населением в казну²; частная продажа табака на месте должна быть обложена легким акцизом; рассчитывать на большой сбыт от казенной продажи табака на месте, по мнению „Remarques“, трудно.

Таким образом, в противоположность нефти и соли, самую добычу которых предполагалось сосредоточить в руках казны, в области хлопкового хозяйства „Remarques“ оставляют за казною лишь торговую монополию, а в области табачного даже и такую монополию проводят с оговорками;

¹ О борьбе в эту эпоху в Западной Европе шерстяной промышленности с зарождавшейся хлопчатобумажной см. у И. Кулишера, История экономического быта Западной Европы, т. II, стр. 108, 109 (Изд. 7-е, М. - Ленгр., 1926).

² Сальянская область платила подать табаком (Бутков, том I, стр. 91).

самое же производство этих продуктов оставляют в руках частного хозяйства. Какие соображения руководили в данном случае автором „Remarques“—на это, быть может, проливает свет то, что он говорит о культуре шафрана. В персидскую пору эта культура стояла здесь очень высоко, и в предместьях Баку существовало несколько сот прекрасно обработанных шафранных садов. В годы русской оккупации культура шафрана пришла в упадок. Некоторые из начальников русских войсковых частей пытались ее возродить, но безуспешно: культура шафрана очень трудна и русскому солдату была совершенно непривычна. Без привлечения к этому делу местного населения не обойтись. Шафранные сады надо взять в казенное распоряжение и, разбив их на участки (*unter gewisser Repartition*), отдавать для обработки местным жителям; за казною остается, опять-таки, лишь монопольная продажа шафрана. Может быть, эти же соображения руководили автором „Remarques“ и тогда, когда он говорил о табаке и хлопке.

И, наконец, надо создать в Баку новый главный узел всей передней азиатской торговли, подорвав таким образом значение Шемахи, которая осталась, напомним от себя, за Турцией. „Remarques“ сообщают несколько не лишенных в этом отношении подробностей. В XVII в., как известно, Шемаха была главным центром персидской торговли, откуда караванные пути расходились в Тавриз, Гилян, Исфаган, Бендер-Абасс, Индию и Бухару. Внутренние неурядицы начала XVIII в. и завоевание Шемахи турками несколько расстроили ее торговлю, и новый торговый центр стал создаваться в Гиляне; тем не менее главное торговое значение оставалось за Шемахой. Задача русской торговой политики, по мнению автора „Remarques“,—противопоставить горной Шемахе приморский Баку; караванной торговле—морскую, и, очевидно, не на примитивных персидских киршимах, но на судах европейской конструкции. Тогда и русская закаспийско-хивинская торговля сомкнется с каспийско-кавказской и не надо будет отправлять из Астрахани караваны в Хиву, подвергая их всяким опасностям, как это было еще недавно с экспедицией полковника Гербера. Но для

всего этого надо организовать самую бакинскую торговлю: надо восстановить в бакинских пригородах караван-сарай, привлечь распуганное и разбежавшееся от военного хозяйничанья местное население, привлечь, главным образом, различными льготами оперировавшую в Шемахе армянскую и индийскую торговые компании и, наконец, организовать, и не только в Баку, но и во всем крае, как, например, в Дербенте и в других пунктах, правильную таможенную систему, положив конец таможенному произволу каждого отдельного начальника гарнизона. Вообще, сохраняя за собою руководство торговлею, правительство должно проводить это руководство, по мнению „Remarques“, с тактом (mit Douceur).

Баку, как центр всей переднеазиатской торговли, и каспийское судоходство, должны были, очевидно, обеспечить победу за русским транзитом из Азии в Европу и подрвать турецкий транзит, о чем, как мы уже видели, так заботилось русское правительство¹.

Сосредоточив свое главное внимание на Баку, автор „Remarques“ не забывает и другие области, главным образом — Дербент и Кубинскую, хотя, вообще, в этой части своей записки он более краток в своих предположениях. Для Дербента и Кубинской области он указывает на необходимость поднять культуру виноградарства и овцеводства, а также на бальнеологические мероприятия. На местное виноградарство и виноделие было уже обращено внимание, и с этой целью еще при Петре I в Дербент были посланы работавшие в Астраханских садах виноградари венгерцы, а несколько позднее из Венгрии был выписан специальный мастер майор Туркул². При этом, однако, по мнению автора „Remarques“, упустили из виду, что местные лозы совершенно других сортов, чем венгерские, и близко подходят к рейнским, а потому и виноградарей надо выписывать не из Венгрии, но из Рейнской области. Правильно поставленное местное ви-

¹ Совершенно справедливо замечание Е. Зевакина о том, что борьба в это время России и Турции на Кавказе была „борьба за персидский рынок и за транзитный путь в Европу, через Россию или через Турцию“ (Зевакин, стр. 3).

² Об этом см. Бутков, т. I, стр. 95, прим. 2 и стр. 147.

ноделие может иметь хороший сбыт и тогда не надо будет закупать красное вино в Шемахе. Местное овцеводство дет обеспечивать сырьем русские шерстяные мануфактуры. Французы закупают большие партии персидской шерсти в Исфагане, но дербентская шерсть ни чуть не хуже, и местные татары изготовляют из нее материи, которые не уступят двойной английской фланели. Наконец, следует обратить внимание на минеральные источники близ рек Тенги и Сулака. Сведения об этом может сообщить доктор Шобер в Москве, которому в свое время Петр I поручил обследовать эти источники и который тогда дал о них очень одобрительный отзыв¹.

О рудном деле в прикаспийских областях (в горах между Баку и Шемахой, а также близ Дербента и Сулака) автор „Remarques“ говорит очень кратко, рекомендуя лишь производить в этом направлении изыскания, так как говорят-де, что персияне находили между Баку и Шемахой золото и серебро, а близ Баку медь.

Таковы, вкратце, главные предположения „Remarques“ по вопросу об организации хозяйства в оккупированных прикаспийских областях. За дальнейшим отсылаем интересующихся к самому документу. Русское оккупационное хозяйство в названных областях можно охарактеризовать как примитивное хищническое накопление и даже не столько накопление, сколько расхищение, так как в конечном результате обогащался не столько главный хозяин в этих областях, казна, сколько его агенты². Такой хищнической дезорганизации „Remarques“ противопоставляют организованную систему умеренного меркантилизма. Оставляя за правительством роль главного монополиста, они отводят на ряду

¹ Сулак впадает в Каспийские море несколько южнее Терека; Тенги — в Кубинской области. Бутков сообщает только об обследовании лейб-медиком Петра I Готлибом Шобером в 1717 г. брагунских минеральных источников, при впадении Сунжи в Терек (op. cit., т. I, стр. 35). В 1732 г. Шобер был назначен лейб-медиком к грузинскому царю Вахтангу VI, жившему в то время в Москве (см. биографию Шобера в „Русском Биографическом словаре“, СПб, 1911).

² См. характерный в этом отношении § 11 „Remarques“.

с этим видное место частному хозяйству и пытаются урегулировать взаимоотношения между обоими этими контрагентами. Рутинной эксплуатации того, что есть, противопоставляют развитие новых хозяйственных возможностей; рутинной технике — модернизацию хозяйственных приемов, как например, в вопросе о транспорте, и более внимательный учет местных условий, как например, в вопросе о виноградарстве. „Remarques“ делают определенную ставку на местный торговый капитал, армянскую и индийские торговые компании и, в связи с общим духом своей программы, как бы готовят почву для сращивания местного и русского торгового капитала.

Такая программа „Remarques“ вполне соответствовала тому умеренно-меркантилистическому направлению, которое возобладало в русской экономической политике после смерти Петра I, этого рьяного ультра-протекциониста и насадителя крупных казенных монополий. После его смерти в русской экономической политике последовательно проводится отказ от казенных монополий, поощрение частной инициативе в форме крупных предприятий и некоторое снижение таможенных тарифов. Так, например, уже в 1725 г. было постановлено брать с товаров, провозимых армянскою компаниею из Персии для отпуска за-границу, и с „немецких“ товаров для Персии лишь трехпроцентную пошлину при ввозе и отпуске, и была отменена особая пошлина в Москве и Астрахани. С 1727 г. это постановление было распространено и на русское купечество. В том же 1727 г. были восстановлены торговые сношения с Хивою и Бухарой¹. „Remarques“ и были применением этой программы умеренного меркантилизма к условиям края военной оккупации.

Если такое истолкование „Remarques“ правильно, то можно высказать некоторые предположения об обстоятельствах возникновения этого документа и о том, кто был его действительным инициатором. Руководителем русской внешней и внутренней политики в это время был барон А. И. Остерман, последовательно проводивший теперь переход от ка-

¹ I Полн. Собр. Зак. №№ 4745, 2086 и 5045.

36925730
019-4111030

зенных монополий и ультра-протекционизма к меркантилизму, всегда несколько осторожно относившийся к агрессивной политике на Кавказе и давно уже склонявшийся к ликвидации прикаспийской оккупации. Но отказаться от раз захваченного всегда не легко. После уступки Гиляна (что само по себе наносило хозяйственный ущерб) могла быть сделана попытка выяснить—как поднять доходность оставшихся в руках России прикаспийских областей и уменьшить расходы на них на случай, если бы „кон'юнктуры“ позволили удержать эти области. Но для этого надо было иметь более надежный материал о хозяйственных возможностях этих областей, чем донесения местных военачальников. Отсутствие такого надежного материала должен был чувствовать и сам Остерман. Надо было найти живого человека, хорошо знавшего край и обладавшего свежими впечатлениями. В 1732 г. такой человек и явился в лице Гербера. Правительственное задание Герберу — а мы уже знаем что „Remarques“ было правительственным заданием—скорее всего могло исходить от Остермана, приложившего, быть может, руку и к окончательному оформлению этого документа.

Программа „Remarques“ не была, однако, проведена в жизнь. Ни в законодательстве по „Полному Собранию Законов“, ни в делопроизводстве руководящего государственного органа того времени — Кабинета, ни в чем нельзя отметить отражения этой программы¹. Дело пошло в другую сторону, в сторону полной ликвидации русской оккупации прикаспийских провинций, и по Ганжинскому договору (10 марта 1736 г.) все эти провинции были обратно уступлены Персии, что предусматривалось еще Рештским договором, и

¹ Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны (за 1731—35 гг.)—Сборник Русского Истор. О-ва, тт. 104, 106, 108 и 111 (СПб. 1898-1900). Только в 1734 г. состоящему при ген.-лейт. Левашеве в Персии ген.-м. Бибикову было поручено ведать всеми сборами и доходами в прикаспийских провинциях с составлением окладных книг и трехмесячной и годовой отчетностью перед камер-коллегиею (см. об этом высоч. утвержд. 10 сентября 1734 г. доклад Сената—*ibid.*, т. 108, стр. 368), что, конечно, было еще очень далеко от программы „Remarques“.

русско-персидская граница пошла по реке Сулаку, и эта уступка объясняется обычно тем, что прикаспийские провинции не оправдывали производимых на них затрат и деньгами и людьми. К такому объяснению склоняется и Е. Зевакин, переводя, впрочем, вопрос, и совершенно правильно, в плоскость международных отношений, но связывая его исключительно с борьбой на Кавказе России и Турции из-за Персии¹. Но перед человеческими гекатомбами капитал не останавливается, раз эти гекатомбы обещают ему хорошие барыши, а доходность прикаспийских провинций, хотя и медленно, но все же поднималась, как выяснил это сам Е. Зевакин, и при рациональной организации, можем мы теперь добавить, могла подняться еще выше. Смысл уступки прикаспийских провинций можно действительно понять, лишь учитывая международную конъюнктуру того времени, но именно во всем ее охвате, не замыкая ее только в русско-персидские и русско-турецкие взаимоотношения на Кавказе. Но и этого, однако, недостаточно: необходимо прежде всего учитывать ту новую группировку общественных сил, которая начинала складываться к этому времени в самой России, и которая заставила отступать и на международном фронте.

После Ништадского мира 1721 г., которым закончилась Северная война, русский царизм, утвердившись на Остзейском побережье, продолжает вести на Балтийском море агрессивную и захватническую политику. Дании предъявляется требование об освобождении русских балтийских торговых судов от уплаты пошлины в Зунде. Одновременно с этим русский царизм исподволь начинает готовить инкорпорацию примыкавшей к его новым остзейским владениям Курляндии, протягивая таким образом руку к незамерзающему балтийскому порту Либаве, и берет под свою защиту различные политические и территориальные домогательства двух прибалтийских правителей — герцога голштинского и герцога мекленбургского, пытаясь стать таким путем фактическим господином положения в их владениях. В то время, как на Каспийском море русский торговый капи-

¹ Зевакин, стр. 6 и 7.

тал делался монополистом гилянского шелка и других кавказских „экзотических“ продуктов—хлопка, шафрана, табака, нефти, на Балтийском море в интересах, хотя бы отчасти, этих же каспийских устремлений продолжала и после Северной войны, подготовляться соответствующая база.

Эта новая, после Северной войны, волна агрессивной и захватнической политики, начинающая нарастать еще при жизни самого Петра, достигает своего кульминационного предела при его первых двух преемниках, в годы бесконтрольного правления Верховного Тайного Совета. Но эта политика верхушки русского общества—крупных землевладельцев и владельцев торгового капитала, больно ударяла по карману другую общественную группу—среднее землевладельческое дворянство, которому приходилось платить по счетам и за гилянский шелк, и за поддержку претензий прибалтийских князьков. По мере того, как в 30-х годах XVIII столетия, после падения Верховного Тайного Совета, этот новый класс подымает голову и приобретает политическую силу, эта захватническая программа на своих своих фронтах—и на балтийском, и на каспийском—начинает свертываться. К этому побуждала и слагавшаяся в 20-х и 30-х годах международная кон'юнктура.

Победа на Балтийском море, захват прикаспийских областей Кавказа и продолжающаяся разворачиваться захватническая политика русского царизма встревожила Западную Европу и, прежде всего, Англию. Английский торговый капитал готов был приветствовать транзит на Восток через Россию, но, конечно, только при том условии, чтобы барыши от этого транзита попадали, прежде всего, в его собственный карман, и чтобы не нарушалось, ради захватничества русского царизма, спокойствие в самой Европе.

На этой почве он столкнулся с агрессивной политикой России после Ништадского мира. В 20-х годах XVIII века по всем фронтам идет на этой почве дипломатическая борьба между Россией и Англией, борьба, которая дает себя чувствовать на каждом участке международных отношений, между прочим и на русско-турецко-персидских отношениях. Эта новая борьба оказалась не под силу русскому царизму,

только что купившему дорогою ценою финансового разорения страны свою балтийскую победу.

С начала 30-х годов русский царизм, не находя поддержки своей захватнической политике на Балтийском и Каспийском морях в начинающем подымать голову среднем дворянстве, начинает сдавать свои позиции. Договор 1732 г. с Данией сводил на нет вопрос о зундской пошлине. В 1733 г. был издан новый, более мягкий, сравнительно с запретительным тарифом 1724 г., таможенный тариф; в русло этой новой политики попадает и умеренный меркантилизм „Remarques“. В том же году были восстановлены прерванные еще с 1720 г. дипломатические сношения с Англией, а в 1734 г., в год окончательного возвращения прикаспийских областей, был заключен весьма выгодный для Англии англо-русский торговый договор, широко раскрывавший, между прочим, двери русского транзита для английского капитала: по 8-му пункту этого договора англичане получали право вести через Россию торговлю с Персией при уплате незначительной (в 3 проц.) проезжей пошлины¹. Первое время англичане не пользовались правом торговли с Персией, но в 1739 г. Джон Элтон, служивший раньше в России, сделал попытку завязать торговые сношения с Персией, и в 1741 г. английская „Русская Компания“ получила исключительное право на такую торговлю². Уже в 1738 г. у англичан была торговая фактория в Гиляне. В 1740-х гг. Элтон снял карту Каспийского моря. Шах Надир пригласил Элтона к себе на службу для постройки военного флота, и Элтон, у которого был свой собственный военный корабль, вызывался перевозить на нем войска и провиант против русских. Русское правительство буквально гонялось за Элтоном и его кораблем. В 1747 г. Элтон был убит, а его корабль был тайно сожжен русскими в 1753 г.³

¹ Срав. выше, стр. 248 прим. Кроме того, об англо-русских отношениях и об экономической базе русской политики за это время — П. Остроухов, Англо-русский договор 1734 г. (Труды студентов экономического отделения СПб. Политехнического Института, № 13: СПб 1914).

² П. Остроухов, стр. 114 и 122 и вообще гл. III.

³ Бутков, стр. 221-222. Об Элтоне см. также Соловьев, кн. V, стр. 202, 319, 449, 450 492-494 и 733.

Если со всем этим сопоставить и то, что воспользовавшись знаменитым походом шаха Надира в 1738 г. в Индию, англичане в это время начинают укрепляться в Бенгале, то будет совершенно ясно, кто остался в середине 30-х годов XVIII в. действительным победителем на Каспийском море в препирательствах России и Персии за прикаспийские провинции Кавказа.

Вот в каком контексте надо рассматривать, кажется нам, и программу „Remarques“, и окончательную ликвидацию русской оккупации начала XVIII в. на Кавказе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1733 1. Докладная записка, представленная императрице Анне об умножении доходов с прикаспийских областей Кавказа, приобретенных Россией от Персии.

REMARQUES

1

Zum wahren Interesse Ihro Kaysserl. Mayst. über die conquestirte Provinzien in Persien, welche an S-r Kaysserl. Mayst. von Gross-Russland nach den Persischen Tractaten verblieben seyn. ||

Summarischer Extract.

2

1. Die Nephta Brunnen müsten nicht mehr verarendiret werden, sondern unter Disposition eines betrauten Mannes und eines Controleurs mit Ablegung richtiger Monathlicher Rechnung stehen.

2. Die Saltz-Quellen und deren Revenüe müsten unter selbigen Disposition stehen und das Saltz unter ihrer Aufsicht und Monathlicher Berechnung an benöthigte Örter verkauft werden.

3. Was aus Saljan und Seydan an Tobac der Land-Mann zu seinem Contingent in Direction nach Baka giebt, muss zum Theil nach Astrachan zum Verkauf verschickt werden; was aber von dem Land-Mann von seinem Tobac in Baka und im Lande herum in Verkauf komt, darauff müste eine billige Taxa gelegt werden.

4. Die wüsten Saffran-Gärten bey Baka müsten von den herumliegenden Dörffern unter gewisser repartition cultiviret und der Saffran von dem publico disponiret und verkauft werden.

5. Die Vor-Städte bey Baka wüsten Caravan-Sarays müsten wieder bebauet, die verstreute Einwohner mit Gnaden-Bezeigung

gen wieder zusammen gesucht, die Armener und Indianer aus Schamachie mit vortheilhaftten Promessen || nach Baka gelockt, und in Baka der Stapel von der gantzen Handlung etabliret werden.

2 06. 6. Im gleichen müsten hieraus die Fahrzeuge von Astrachan nach Gilan auch weiter hierauf nach Mahanderan, Astrabad und in die Bucharey gehen. Nicht weniger wären auch die Zölle in Baka, Derbent, Sulack und wo est nöthig zu reguliren.

7. Zur profitablen Wein-Cultur bey Derbent und an der Provintz Cuba könnten tüchtige Leute aus Deutschland geschaffet werden.

8. Die Wolle von denen Schäffereyen aus den conquetirten Provinzien in Ihro Majst. Manufacturen zu samlen.

9. Mit Bergwercken eine Probe zu machen.

10. Die Warmen Bäder und Sauer-Brunnen bey Tengi und Sulak in Cultur und Gebrauch zu bringen.

11. Welche Commendeurs, Commendanten und Officiren Zölln vom Anfang bis hieher grosse Reichthümer zusammen gebracht könnten, ausgeforschet und angehalten werden, mit dem was ihnen injuria temporum zugefallen jährlich zu theilen, damit Ihro Majst. Casso wegen denen enormen Kosten etwas sulagiret würde.

3 12. Den Soldat nicht ohne der höchsten Noth in Economische Geschäften zu verwickeln. ||

Ihro Kayssrl. Mayst. werden sich allergnädigst gefallen lassen zu dero allerhöchsten Interesse einige treue meinende Vorstellungen über dero conquestirte Provinzien in Persien, welche nach deren Persischen Tractaten an Ihro Majst. verblieben, anzunehmen und zu erwegen.

Den da durch Abtretung der Province Gilan Ihro Majst. den grösten Theil dero revenüen aus denen conquestirten Provinzien in Persien verliehren und dennoch zu maintenirung derer durch die erwehnten Tractaten erworbene Länder und Festungen eben so viele Unkosten wie vorhin, wo nicht noch mehrere wegen denen von den herumliegenden Tartarn etc. zubesorgenden troublen erfordert werden möchten, wovon die Folge der Zeit die Gewissheit wird geben müssen, so hat man

insonderheit Ursache dahin zu sehen, dass der jetzige Possess in eine richtigere Disposition wie vorhin gebracht und die Revenüen austräglich gemacht werden. Derowegen soll || diese allerunterterthanigste Vorstellung eine Idee geben, wie solches am füglichsten anzustellen: und wird man zuforderst bedacht seyn müssen die Revenüen von der Nephta bey Baka zu verbessern.

3 06.

1. Vom Nephta.

Von diesen Nephta-Brunnen ist bey Russischer Regierung der grösste in publicuer administration gestanden, die kleinern aber sind an Persianer, davon die Principaleste unter des Herrn General-Majors v. Venediger Commando zum Schach in Persien echapiret, verarendiret gewesen. Diese Verarendierung hat dem Publico nothwendig schädlich seyn müsten, weil die um das Caspische Meer liegende asiatische Völker Nephta zu erst bey ihre Lands Leuten geholet und wie selbige den Preyss gesetzt, dafür hat auch die Nephta aus den obgedachten Crons Brunnen müssen verkauffet werden.

Man hat auch durch die Erfahrung bemercket, dass zu den vorigen Zeiten || der persischen Regierung aus der Nephta eine weit grössere Summa Geldes gelöset werden, wie denn in sonderheit aus Gilan und aus der Bucharey mit den kleinen Persischen Fahrzeugen (Kirschims) weit mehr, als zur russischen Zeit, die Abnahme gewesen. Dass aus der Bucharey keine Fahrzeuge gekommen, daran mochten wohl die Kriegs-Troublen am meisten Schuld seyn; dass aber aus Gilan nicht so viel, wie vorhin, gezogen worden, haben die Confuse und vor die Negocianten bedruckte Zeiten am meisten verursacht.

4

Bey iletzigen Conjuncturen, da die Persianer Gilan besitzen, wäre zu vermuthen, dass der Abgang der Nephta in Baka grösser wie forhin seyn werde. Dieses aber müste nur allein ein regale seyn und keinem privato verarendiret werden, damit nach Proportion der Zeiten und des Abgangs, der Preyss von dem Publico könne gesteigert oder verringert werden. Die Disposition hierüber müste auch nicht von der Sorgfall || eines Capitains, wie vorhin geschehen, dependiren, sondern unter Direction eines darzu betrauten Mannes und eines Controilours mit Ablegung richtiger Monathlicher Rechnung bestehen,

4 06.

da man dann vielleicht den Nutzen so gross, wie in Persischen Zeiten, wo nicht viel hoher vermercken würde.

2. Vom Saltze.

Das andere regale bey Baka bestehet in Saltz Quellen von dem reinesten durch die Sonne temperirten feines Saltze, so vielleicht das Lüneburger übertreffen möchte. Dieses regale ist vorhin gantz und gar negligiret gewesen und demjenigen Persianer Draga Sultan, der, wie obengedacht, zu die Persianer übergegangen, auf seine Gage von dem successive in Baka commandirenden Generalen gegeben worden. Der font hievon ist gross und austräglich, und dieses Saltz wird mit Caravanen und Fahrzeugen durch den grösten Theil von Persien ||
5 verführet. Allein Ihre Majst. haben niemahls einen rechten Nutzen davon gehabt.

Wenn es aber als ein regale richtig sollte administrirt und an die benöthigte Örter verkaufft werden, würde solches keine kleine Summa ausmachen.

3. Vom Toback

Das dritte regale bestehet in dem Persischen Toback, der an der Kura-Strohm in der Provintz Saljan und Seydan eine abundance fällt.

Selbiger Toback müste zum Theil nach Astrachan verschickt werden, weil um Baka herum nicht so viel Abnahme ist.

Dieses ist zu verstehen von demjenigen, was der Land-Mann vor sein Contingent dem Publico in Baka giebet; was aber von dem Land-Mann in Baka und im Lande herum in Verkauf kömt, darauf könnte eine billige Accise gelegt verden. ||

5 06.

4. Von denen Saffran-Gärten.

Es liegen um Baka herum in der Vorstadt etliche hundert Saffran-Gärten wüste, welche zu Persischen Zeiten sind bebauet gewesen. Von solchen Gärten haben zwar einige Commendanten in Baka einen und den andern cultiviren lassen, aber mit geringen Nutzen, weil die Soldaten davon zum Theil nicht rechten Bescheid wissen, und zum Theil die Cultur des Saf-

frans sehr mühsam ist. Zur Cultur dieser Gärten müste das Land-Volck um Baka herum unter gewisser repartition angehalten werden, wovon die Disposition und Verausserung dem Publico bleiben müste.

5. Von der Baum-Wolle.

In der Provintz Saljan und Seydan fällt viel Baum-Wolle, welche wenn sie richtig als ein monopolium nach Astrachan sollte distrahiert werden, auch keinen geringen Nutzen geben könnte.

6. Wom Stapel, Handlung und Traffiquen.

Wegen des Commercii in Baka wird eine genauere regulirung erfordert. || Denn es ist bekannnd, dass die unter Türkischer Protection stehende Handels-Stadt Schimachie etwa 2 oder 3 Tage-Reisen von Baka entlegen der Stapel der gantzen Asiatischen Handlung gewesen, in dem aus der Türkkey und aus dem Russischen-Reiche die Negoce in selbiger circuliret, und von daraus die Carevanen nach Touris, Gilan, Ispahan, Bender Abassi, Indien und die Bucharey gegangen.

Ob nun gleich die gewaltsame conquestirung und Ausplünderung derselben von denen Persischen Rebellen von hieraus sich der Handel mehrentheils nach Gilan gezogen, und bey Russischer Regierung daselbst am meisten floriret hat, so besteht die Negoce daselbst denn noch auch bey izeztigen Zeiten.

Weilen aber Baka so nahe daran und am Ufer des Cospischen Meeres gelegen, könte fast der gantze Handel von Schimachie nach Baka gezogen und der Stapel insonderheit von der Handlung aus dem Russischen Reiche hinselbst etabliret werden. || Zu dem Ende müsten die ruinirten Vorstädte und Caravanen Sarays um Baka herum wieder bebauet, die vorigen Einwohner, die sich ins Land und auff die Dörffer und anders wo retiriret, mit Gnaden-Bezeugungen wieder zurück beruffen, und die Armerer und Indianer, als welche fast die ganze Handlung von Schimachie commendiren, mit Gnaden-Versprechungen und Vortheilhaften Vorstellungen nach Baka gelocket werden, in dem selbige von Natur denen Russen mehr zu gethan, als denen Türcken und Tartare, unter deren

Gewalt sie ietzo marchandiren. Durch diese und dergleichen methoden wurde sich der Flor von Zeit zu Zeit in Baka meh-
ren, und von daraus könnten die Fahrzeugen aus Astrachan
nach gantz Gilan um die Gilansche Waaren abzuholen und
Russische einzuführen, auch von Gilan um Mahanderan und
Astrabath herum, weil es nunmehr friedlich, so gleich in die
Bucharey gar favorable kommen, und dürfen nicht mehr solche
gefährliche Caravanen durch die ungeheure Steppen || aus Astra-
chan und Chiwa, wovon das Exempel mit dem Obristen Gär-
ber noch im frischen Andencken ist, passiren. Hiebey könnte
sich noch die Abnahme von der Nephta mit geringerer Mühe
und weniger Kosten der trafiquirenden, als mit Caravanen,
welche durch die Persianer und denen Persianern zum besten
gehen, in Mahanderan, Astrabath und die Bucharey ausbreiten,
welches die publique Revenüen von der Bakinscher Nephta
und zugleich die Negoce ungemein augmentiren würde, nur
die Disposition hievon müste mit douceur und nicht mit Er-
pressungen angestellet werden. Hieneben wäre auch der Zoll
zu reguliren und dürffte nicht mehr von des Aussicht eines
Capitains wie vorhin dependiren. Auf gleiche Weise müste
auch der Zoll in Derbent und Sulack und wo es sonst an
kleinen Örtern nöthig, unter guter Aussicht, Ordnung und Mo-
nathlicher Berechnung stehen. Nicht weniger ist.

7. Von Cultur des Wein-Wachses.

Der Wein-Wachs bey Derbent ist important. Die Provintz
Cuba in dieser Gegend ist hier von auch sehr fruchtbar, und
7 06. man || hat erfahren dass daselbst die schönsten Muscatel und
andere Trauben wachsen. Die Nation aber weiss hiemit schlech-
ten Bescheid, weil ihnen der Wein zu trincken verbothen ist,
und der Unger, welcher als Major in Derbent über Ihro Kays-
serlich. Majst. Wein-Gärten gesetzt worden, wird nunmehr
capable seyn von diesen Trauben Unger-Wein zu machen, weil
dergleichen Trauben, wie in Ungaren, daselbst nicht wachsen,
wohl aber solche Trauben, als in Deutschland an den berühm-
testen Wein Örtern. Dass also in Derbent die Wein-Cultur
nicht natürlich und in der Provintz Cuba fast gantz und gar
nicht ist. Wenn aber einige darzu tüchtige und erfahrene Leute

von der Rein-Strohm oder aus andern renommirten Wein-Örtern in Deutschland an diese Örter sollten hingeschafft, und sowohl die Cult r des Weins als die rechte Methode der Praeparirung eingeführet werden, wäre ein ungemeiner Nutzen hievon zu vermuthen, weil der Wein überflüssig nicht allein bay der Armee, sondern auch in Artrachan abgehen, und nicht nöthig seyn würde von Schimachie den rothen Wien passiren zu lassen. ||

8. Von den Schäffereyen und der Wolle.

8.

In der Gegend um Derbent insonderheit nach die Gebürge finden sich die schönsten und zahlreichsten Schäffereyen, wovon die Wolle in Ihro Majst. Manufacturen den grosten Nutzen geben könnte, damit man nicht nöthig hätte vor die benöthigte Tücher das Geld aus dem Lande zu lassen.

Soviel ist bekand, dass der Frantzosen gröste negoce in Ispahan wegen der Persischen Wolle sey, und ist zu vermuten, dass diese Wolle von gedachten Schäfferejen nicht schlechter seyn werde, in dem die Tartarn in den Gebürgen davon weise Tücher machen fast wie ein doppelt-englisch-flannell und so weich wie ein Samet anzufühlen; die Probe muss hievon den Warhafften Nutzen ausweisen.

9. Von Bergwercken.

Wegen Bergwercken könnte in den Gebürgen zwischen Baka und Schimachie auch ohnweit Derbent und Sulak eine Probe gemacht werden, und aus selbiger würde man erfahren, wieviel hierin zugewinnen wäre. Zum wenigsten würde man aus die Probe nicht viel verlihren. Es wird gesagt, als von die Persianer von diesen zwischen Baka und Schimachie Silber und Gold gefunden hätten, und dass auch gewisse Ertzte in Baka unter Leuten zum Vorschein gekommen wären; zum meisten giebt das Clima und die Situation hirvon nicht geringe Hoffnung.

10. Von warmen Bädern und Sauer-Brunnen.

Zum sulagement der Armee wäre nöthig die warmen Bäder bey Tengî und Sulak herum in nützlichen Gebrauch zu brin-

gen, weil man sonst wegen Ungesundheit dieser Örter viel
8 06. lamentirens gehöret. || Von denen warmen Bäder und Sauer
Brunnen ohnweit Sulak kan d. h. E. D. Schober in Moscau
die gründlichste Nachricht geben, in dem ihm vom Kayser
Petro I Glorwürdigsten Andenckens anbefohlen gewesen die-
selben nach ihrer wahren Qualite zu untersuchen, welche dann
auch von ihm approbiret worden Da auch das Land-Volck
als Tartaren und Persianer gewohnet sich dieser Bäder mit
Nutzen zu bedinnen, so würden sie auch eine Revenüe geben
können, wenn sie unter Cultur uud guten Aussicnt gehalten
würden.

11. Von Vermehrung der Kayserl. Cassa.

Endlich und zuletzt ist noch zu remarquiren, dass die reiche
Prowintz Gilan und obgedachte übrige conquesten Ihro Majst.
so viel Geld und Leute gekostet, und dass so wenig aus die-
sen reichen Lande in Ihro Majst. Cassa gekommen, welches
propter distantiam locorum et injuriam temporum geschehen.
Well aber die Erfahrung lehret, dass die Commandeurs und
Officiers bey den Zöllnen fäst duchgehends sich sehr wohl be-
finden und mancher, der sich niemahls von hundert Rubell
träumen lassen, viel Capitalien besitzen soll, so wäre zu wün-
chen, dass ein ieder denenselben nur den zehenden Theil in
aerarium publicum conferiren möchte, damit solches Geld in
communem usum rolliren und nicht vielleicht unter der Erde
oder sonst wo auf ewig verstecket bleiben möchte.

12.

Dafern nun oberwehnte remarques in réalité sollen gebracht
werden, würden sich noch mährere dergleichen Vorschläge her-
vor thun. Der Soldat aber könnte mit mehrerem Attachement
sein devoir thun, wenn er von allen Oeconomischen Geschäf-
ften reine Hände behalten und bloss allein zur Glorie und zur
Beute vom Feinde encouragiret werden sollte.

ЗАМЕЧАНИЯ,

клонящиеся к истинной выгоде вашего величества в тех завоеванных персидских провинциях, которые, по персидским трактатам, остались за его величеством всероссийским.

Суммарный экстракт.

1. Нефтяные источники не должны впредь быть сдаваемы в аренду; они должны быть поручены доверенному лицу и контролеру, с правильно ежемесячно отчетностью.

2. Этим же лицам должны быть поручены соляные источники и доход с них; соль надлежит продавать в определенных местах под их присмотром и с ежемесячно отчетностью.

3. Сальянский и сейданский табак, который местное население сдает в казну в Баку, должен быть отправляем частично для продажи в Астрахань; тот табак, который местное население продает в Баку и селениях, должен бы быть обложен небольшим акцизом.

4. Зброшенныя около Баку шафранныя сады надлежит распределить для обработки между окрестными деревнями; продажа шафрана остается в распоряжении казны.

5. Нужно восстановить заброшенные караван-сарай в предместьях Баку; стараться о возвращении разбежавшихся жителей, обещая им помилование; привлекать заманчивыми обещаниями армян и индийцев из Шемахи, и создать в Баку складочный пункт для всей торговли.

6. Отсюда же, равным образом, должны отправляться суда в Астрахань и Гилян, и дальше в Мазандеран, Астрабад и

Бухару. Не менее важно было бы урегулировать таможенные сборы в Баку, Дербенде и Сулаке.

7. Для повышения доходности виноделия в Дербенде и Кубинской провинции могли бы быть выписываемы способные к этому люди из Германии.

8. Шерсть от скотоводства в завоеванных провинциях должна собираться в мануфактуры вашего величества.

9. Исследовать рудники.

10. Оборудовать для пользования теплые и минеральные источники на Тенги и Сулаке.

11. Расследовать, кто из командиров, комендантов, и офицеров нажил с начала и до сих пор, при взимании таможенных сборов, большие богатства, и попривержать с них, распределив одновременно с этим погодно, что кому причитается за понесенные от случайных обстоятельств убытки, чтобы тем самым облегчить несколько кассу вашего величества от непомерных расходов.

12. Не пользоваться без крайней необходимости солдатами в хозяйственных предприятиях.

Да благоугодно будет вашему императорскому величеству принять на рассмотрение благомыслящие представления относительно тех завоеванных персидских провинций, которые, после заключенных с Персией трактатов, остались за вашим величеством. С уступкой провинции Гилян ваше величество теряет значительную часть доходов с завоеванных персидских провинций. В то же время для содержания оставшихся по этим трактатам земель и укреплений требуется столько же расходов, сколько и раньше, если еще не больше, учитывая внушающие опасения волнения среди окружающих гатар, исход чего покажет только время. В виду этого настоятельно необходимо привести в добродородное состояние названные провинции, чтобы извлекать из них достаточный доход. Настоящие всеподданейшие представления и должны дать мысль, как это удобнее выполнить. Прежде всего надо подумать об упорядочении доходов с бакинской нефти.

1. О нефти.

Из этих нефтяных источников, при русской власти, наиболее крупный был в государственном управлении; мелкие сдавались в аренду персианам; главные из этих персиан, во время командования господина генерал-майора фон Венедигера бежали в Персию — к шаху. Такая аренда неизбежно должна была причинять ущерб казне, так как обитающие вокруг Каспийского моря азиатские народы брали нефть прежде всего у своих земляков, и потому нефть из вышеупомянутых коронных источников приходилось продавать по той цене, какую устанавливали эти последние.

Наблюдение показало, что при персидской власти с нефти, выручалась гораздо большая сумма: сбыт нефти, в особенности в Гилян и Бухару, на маленьких персидских судах (киршим) был гораздо значительнее, чем в русское время. Что суда не приходили из Бухары — тому виною, конечно, в значительной степени, военные смуты; но то, что уменьшилось, сравнительно с прежним временем, их прибытие из Гиляна — это объясняется, главным образом, неопределенностью положения, что угнетающе отражалось и на торговле.

При настоящих кон'юнктурах, когда персияне владеют Гиляном, следует ожидать увеличения экспорта бакинской нефти. Нефть, однако, следовало бы сделать исключительно регалией и не сдавать ее в аренду частным лицам, чтобы тем самым, в зависимости от момента и размера экспорта, государство могло повышать или понижать на нее цену. Это дело не должно зависеть от рачительности какого-нибудь капитана, как это было раньше: его надо поручить доверенному лицу и контролеру с правильной ежемесячно отчетливостью. Тогда, быть может, и польза от этого будет столь же заметна, как и в персидское время, если еще не значительно больше.

2. О соли.

Другая регалия в Баку — соляные источники, дающие самую чистую и лучшую выпаренную на солнце соль, превосходящую, быть может, по качеству, люнебургскую. Эта

регалия до сих пор находилась в полном небрежении, следовательно сменявшиеся командовавшие в Баку генералы сдавали ее от себя персиянину Драга-султану, перешедшему на персидскую сторону, как об этом было упомянуто выше. Источник обилен и прибылен; соль караванами и на судах развозится в значительную часть Персии. Однако, ваше величество никогда не получало от этого никакой прибыли.

Но если бы эта статья правильно управлялась, как регалия, и соль продавалась бы в потребных для того местах, то выручалась бы не малая сумма.

3. О табаке.

Третья регалия — персидский табак, произрастающий по реке Куре в Сальянской провинции, в Сейдане. Часть этого табаку следовало бы пересылать в Астрахань, так как сбыт его в округе Баку не так велик.

Это — о том запасе табака, которое местное население сдает в казну в Баку; тот табак, который местное население продает в Баку и селениях, мог бы быть обложен небольшим акцизом.

4. О шафранных садах.

Вокруг Баку, в предместьях — несколько сот заброшенных шафранных садов, которые в персидское время обрабатывались. Правда, некоторые из бакинских комендантов принимались возделывать один-другой из таких садов, но польза от этого была не большая, потому, что солдаты не знают, как за это взяться, частью же потому, что культура шафрана очень кропотлива. Обработку этих садов следовало бы распределить между местным населением из окрестностей Баку, а распоряжение этим и продажа шафрана оставались бы за казною.

5. О хлопке.

В Сальянской провинции и Сейдане — много хлопка. Если правильно организовать это дело, как монополию, и вывозить хлопок в Астрахань, это дало бы не малую выгоду.

6. О складочных пунктах, торговле и транзите.

Торговля в Баку требует строгого регулирования. Находящийся под протекторатом Турции торговый город Шемаха, в двух-трех днях езды от Баку, был, как известно, складочным пунктом всей азиатской торговли: здесь сосредоточивался товарооборот из Турции и Российского государства, и отсюда направлялись караваны в Тавриз, Гилян, Исфахан, Бендер-Аббаси, Индию и Бухару.

Хотя захват Шемахи и ее разгром персидскими мятежниками и отвлек значительную часть торговли в Гилян, где она и процветала при русской власти, все же Шемаха и по настоящее время сохраняет свое значение.

Баку лежит недалеко отсюда на берегу Каспийского моря. Поэтому можно было бы почти всю торговлю из Шемахи привлечь в Баку, устроив здесь складочный пункт, в особенности для русской торговли. Для этого следовало бы снова отстроить предместья и караван-сарай, вызвать обратно, обещая им прощение, местных жителей, которые остаются по деревням и вообще в разных местах в стране, и привлекать, представляя возможности выгодных льгот, армян и индийцев, которые держат в своих руках почти всю торговлю в Шемахе и, по своей природе, больше тяготеют к русским, чем к туркам и татарам, под властью которых они ведут теперь свою торговлю. Этими и другими подобными мероприятиями с течением времени процвел бы Баку, и отсюда могли бы ходить суда из Астрахани в Гилян, привозя русские товары и забирая местные, а также к Мазандарану и Астрабаду, где теперь поуспокоилось, а отсюда удобной путь в Бухару. И тогда не надо было бы отправлять караваны из Астрахани через ужасные степи, как это показал памятный еще пример полковника Гербера, в Хиву. Вместе с этим легче было бы наладить и расширить сбыт нефти в Мазандаран, Астрабад и Бухару, и при том о меньшими издержками для транспортеров, чем при караванном транспорте, который держат в своих руках персиане, первые извлекая отсюда и главные выгоды; это подняло бы для

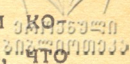
казны доходность бакинской нефти и необычайно расширило бы торговлю. Только надо все это проводить мягко и без нажима. Следовало бы также урегулировать таможенные сборы, которыми не должен вестись, как это было до сих пор, один из капитанов, и устроить таможни в Дербенте, Сулаке и других, где нужно, маленьких местах — под хорошим надзором, в порядке и введя ежемесячную отчетность. Не менее того надо подумать.

7. О культуре виноградарства

Виноградарство в Дербенте — существенная статья. Изобильна также в этой стране виноградом провинция Куба, где, как дознано, произрастает прекрасный мускатель и другие лозы. Но местное население не умеет хорошо ухаживать за виноградом, так как вино ему запрещено, а венгерец майор, который назначен заведывать виноградниками вашего величества в Дербенте, никогда не сможет выделывать из местного винограда венгерское вино, так как здешние сорта не те, что в Венгрии, но те, что в известнейших винных районах Германии. Таким образом виноделие в Дербенте — не в порядке вещей, а в провинции Куба его почти совершенно и не знают. А между тем, если бы сюда были вызваны способные и опытные люди с Рейна и из других лучших винных районов Германии и была бы налажена культура и правильные приемы виноделия, от этого можно было бы ожидать необычайной выгоды: вина хватило бы не только для армии — его можно было бы отправлять и в Астрахань и тогда не было бы надобности везти красное вино из Шемахи.

8. Об овцеводстве и шерсти.

В области Дербента, в особенности в горах, прекрасно поставлено и широко распространено овцеводство; можно было бы получать отсюда шерсть для мануфактур вашего величества, и тогда деньги на закупку сукна не уходили бы из страны.

Насколько известно, французы закупают в большом количестве персидскую шерсть в Исфахане. Надо думать, что шерсть местных овчарен будет не хуже: татары в горах приготавливают из него сукно почти такое же, как английская двойная фланель и мягкое, как бархат. Чтобы узнать действительную пользу от этого, следует сделать опыт.

9. О рудниках.

Что касается рудников, то можно было бы произвести изыскания в горах между Баку и Шемахою, а также невдалеке от Дербента и Сулака, и тогда выяснилось бы, какую отсюда можно было бы иметь прибыль. От такого изыскания, во всяком случае, много бы не потеряли. Говорят, что здесь, между Баку и Шемахою, персиане находили серебро и золото и даже, как ходят слухи в Баку, руду. Климат и местоположение позволяют на это надеяться.

10. О теплых и минеральных источниках.

Для облегчения армии надо было устроить пользование теплыми источниками на Тенги и Сулаке, тем более, что о нездоровых условиях здешних мест приходится слышать много прискорбного. Основательные сведения об этом может дать господин доктор Шобер в Москве, которому славной памяти император Петр I повелел исследовать свойства этих источников, который тогда их очень одобрил. Так как местное население, татары и персиане также имеют обыкновение пользоваться этими источниками, то, если бы их оборудовать и учредить над ними добрый присмотр, можно было получать с них доход.

11. О приумножении императорской казны.

Наконец, надо еще заметить, что если богатая провинция Гилян и другие вышеназванные завоевания вашего величества, стоившие столько денег и людей, такие богатые земли дали так мало казне вашего величества, то это можно обяс-

нить их отдаленностью и неблагоприятными условиями времени. Наблюдение однако показывает, что многие из командиров и офицеров при таможенных сборах чувствуют себя очень хорошо: иные из них, которые никогда не могли мечтать и о ста рублях, обладают большими капиталами. Было бы очень желательно, чтобы каждый из них вносил в казначейство хотя бы десятую часть, чтобы такие большие суммы шли на общее обращение, а не зарывались бы в замлю и не утаивались.

12.

Если бы вышеприведенные замечания были приведены в исполнение, то можно было бы сделать еще много других подобных предложений. А для того, чтобы солдат с большим рвением исполнял свой долг, он должен быть освобожден от всяких хозяйственных занятий; его должна воодушевлять только слава и надежда на военную добычу.

Государственный Архив Феодальной Крепостнической эпохи (ГАФКЭ Центрархива РСФСР в Москве, „Портфели Миллера“ 348 док. № 13 Замечания об областях, приобретенных Россией от Персии. Документ не датирован; имя автора не названо. Основания для датировки и предположительное определение имени его автора — выше, в тексте настоящей работы.

მანტა გუგუშვილი

ქართული საბავშვო ლირიკა

წინასწარი შენიშვნა

მეფის რუსეთის მიერ ქართლ-კახეთის ანექსიამდე, რუსეთ-საქართველოს შორის ვაჭრობის ობიექტად გამხდარი საქონელი საბაჟო საფასურით უმთავრესად ქ. მოზდოკში იწმინდებოდა. მაგრამ ამავე საქონელს, თუ ის მოდიოდა რუსეთიდან საქართველოში, ან პირიქით, უნდა გაეღო აგრეთვე თვით საქართველოს სამეფოს ტერიტორიის შიგნით მთელი რიგი საბაჟოები და საყარაულოები, სადაც იგი დამატებით იბეგრებოდა. ეს შინაგანი საბაჟოები, როგორც იმდროინდელ ირანსა და თურქეთში, ისე საქართველოშიაც გაცემული იყო იჯარით გამოსყიდვის საფუძველზე, ანდა შეადგენდა ეკლესია-მონასტრის თუ კერძო პირის პრივილეგიას, რაც მეტად აფერხებდა საერთოდ კომერციული შესარჩევობის განვითარებას. 1803 წელს, ე. ი. ქართლ-კახეთის სამეფოს რუსეთის გუბერნიად გადაქცევის შემდეგ, ცნობილი დამპყრობელი ამიერ-კავკასიის ხალხებისა, პ. ციციანოვი სწერდა იმპერატორს იმის შესახებ, რომ ეს შინაგანი საბაჟოები მეტად ავიწროებენ ვაჭრობის განვითარებას და ეწინააღმდეგებიან რა კეთილმოწყობილ მმართველობის წესებს, მოითხოვენ „შესწორებას ან მოსპობას“ (АКАК, т. II, № 116).

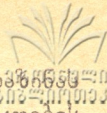
საპასუხო წერილის პროექტში 1803 წ. ფინანსთა მინისტრი (კომერციული კოლეგიის მმართველი) აღნიშნავს, რომ „საქართველოში საბაჟო მმართველობის მოწყობა უმთავრესად უნდა ემყარებოდეს კასპიის ზღვის ვაჭრობის, შავი ზღვის ვაჭრობასთან და სომეხთა, — რომლებიც, როგორც ცნობილია თავიანთი სავაჭრო ოპერაციებით აღწევენ თვით ინდოეთამდე — ვაჭრობასთან შეკავშირებაზე“ (ЛОЦИА, Арх. Нар. Хоз., ფონდი „Гос. коммерц.-коллегии“. № 725/2395).

ყოველივე ამის შემდეგ იმავე წელს პ. ციციანოვმა ცენტრში წარადგინა პროექტი საქართველოს საზღვრებზე საბაჟო საყარაულოების დაარსების შესახებ, რაც მნიშვნელოვნად დააჩქარა ვაჭრობის მეოხებით თურქეთიდან და ირანიდან შავი ჭირის შემოსვლის საწინააღმდეგოდ კარანტინების დაარსების აუცილებლობამ. (ეს საკარანტინო საყარაულოები მაშინ დაარსდა: სურამში, წალკაში, ბამბაკში და შამშადილში).

1803 წლის 23 ოქტომბრის თარიღით, უმართებულესი სენატისადმი იმპერატორის უკაზით საქართველოს საზღვრებზე უნდა დაეარსებინათ საბაჟოები: 1. სურამში — იმერეთის საზღვარზე — დას. საქართველოსთან და შავი ზღვის სანაპირო ქვეყნებთან ვაჭრობისათვის; 2. „ძველსა და დანგრეულს სიმაგრეში, წალკაში“ — ახალციხის საფაშოსა და ჯავახეთის საზღვარზე, — თურქეთთან ვაჭრობისათვის; 3. შამშადილის პროვინციაში, შესაფერ ადგილას, განჯის სახანოს საზღვარზე და 4. ერევნის სახანოს შესაფერ ძოსახლვრე პუნქტში, რომელიც იქნებოდა „სრული საბაჟო“ და რომელსაც დაუქვემდებარდებოდნენ შემოსხენებული საბაჟოები; ორი უკანასკნელი საბაჟო ირანის პროვინციებთან ვაჭრობისათვის იყო დაარსებული. ამ კანონის თანახმად, ხსენებული ოთხი საბაჟო უნდა აუშავებულყო 1804 წლის 1 იანვრიდან. ამავე დროს უნდა გაუქმებულყო მოზდოკის საბაჟო, რომელიც ამის შემდეგ უკვე იმპერიის საბაჟო საზღვრების შიგნით რჩებოდა (I-oe ПСЗРИ, т. XXVII, № 21002, стр. 944—945). ამასთანავე გამოცემული იქნა ბრძანება საქართველოში შინაგანი საბაჟოების გაუქმების შესახებ (АКАК т. II № 297, 248, стр. 243—4).

შინაგანი საბაჟოების გაუქმების ერთი უმთავრესი მიზანთაგანი იყო რუსი ვაჭრების მოზიდვა საქართველოში, რისთვისაც საჭირო იყო აგრეთვე „გზებზე მთიელთა მტაცებლობის აღაგმვა და საყარაულოების გამაგრებაც“, როგორც ამას აღნიშნავდა გენ.-ლეიტ. პ. ციციანოვი, მაგრამ რადგან ეს ვერ იქნა მიღწეული, მთავრობა აკისრებდა სამხედრო უწყებას რუსეთიდან საქართველოში და პირიქით მიმავალ სავაჭრო ქარავენებისათვის შესაფერ დროს, გამოეყო სპეციალური დამკველ-გამყოლი რაზმები.

მაგრამ საქართველოს საზღვრებზე (ირან-თურქეთის და იმერეთის მხრივ) საბაჟოების დაარსების საკითხის გაფორმების შემდეგაც, მიუხედავად სპეციალური ბრძანების გამოცემისა, საქართველოში შინაგანი საბაჟოების მოსპობა ასე ადვილად შეუძლებელი შეიქნა იმიტომ, რომ შინაგანი საბაჟოების იჯარით გამომსყიდველთაგან, — ხოლო იჯარით გაცემის მოსპობის შემდეგ ამ საბაჟოთა

სახელმწიფო მოხელეთა მეოხებით გამგებლობის გზით, — ხელოვნური მნიშვნელოვანი შემოსავალი ჰქონდა, რაზედაც შინაგანი საბაჟოების გაუქმებით ხელი უნდა აეღო. შინაგანი საბაჟოების შემოსავალი 1807 წ. ჯდრიდა 63.000 მან. ვერცხლით. ამავე დროს ამ შემოსავალს ცენტრალური ხელისუფლება (სახელმწ. კომერც.-კოლეგია) არ ელეოდა, მიუხედავად პ. ციციანოვის მთელი რიგი მიმართვებისა და მრავალგვარი არგუმენტებისა იმის შესახებ, რომ შინაგანი საბაჟოები აბაკოლებს შინაგანი ვაჭრობის განვითარებას, ხელს უშლის უცხოეთთან ვაჭრობის გაშლას და ამ მხარეში მესარეწეობის განვითარებას. რადგანაც ერთი და იგივე საქონელი სანამ მყიდველ-მომხმარებლამდე მიაღწევდეს მრავალგზის იბეგრება, რაც აფერხებს თვით რუსული საქონლის შემოჭრას ამ ქვეყანაში. შინაგანი საბაჟოების მოსპობა ხელს შეუწყობს რა ვაჭრობა-მრეწველობის განვითარებას სხვა გზით და სხვა სახით აუნაზღაურებს ხაზინას იმ შემოსავალს, რომელსაც ეხლა იგი — შინაგანი საბაჟოები — იძლევაო, — ამტკიცებდა პ. ციციანოვი.

შინაგანი საბაჟოების მოსპობა შეუძლებელი შეიქნა. ამის გამო ვერ მოხერხდა 1803 წ. 23 ოქტომბრის კანონის განხორციელება საქართველოს, თურქეთის და ირანის საზღვრებზე საბაჟოების დაარსებისა და მოზღოკის საბაჟოს გაუქმების შესახებ. ამავე დროს, პ. ციციანოვის მიერ წარმოებულ დაპყრობათა შედეგად საგრძნობლად გაფართოვდა „საქართველოს გუბერნიის“ საზღვრებიც. მხოლოდ 1807 წლის იანვარს ბაქოში, რომელიც ეხლა უკვე რუსეთის აკავკასიაში შედიოდა, დაარსდა საბაჟო, სადაც საფასური აღებოდა კასპიის ზღვის უცხოეთის ნავთსადგურებიდან და საერთოდ უცხოეთიდან (უმეტესად ირანიდან) შემოტანილ საქონელზე ასტრახანის ტარიფის მიხედვით (I-ое ПСЗРИ., т. XXIX, № 22434, стр. 991); ხოლო იმავე 1807 წლის 9 თებერვლის კანონით, საქართველოს მთავარმართებლის მიერ წარმოდგენილი მოხსენების შედეგად, აღექსნა დრე I-მა კომერციის მინისტრს უბრძანა:

„საქართველოს საზღვრების გარკვევით განსაზღვრამდე:

1. შეჩერებულ იქნას 1803 წ. 23 ოქტომბრის უკაზი, საქართველოს საზღვრებზე საბაჟოების დაარსების შესახებ, და აგრეთვე მოქმედებაც 1804 წ. 4 მარტის უკაზისა, იქაური შინაგანი საფასურების (ბაჟების) მოსპობის შესახებ. ამის გამო:

2. საბაჟო გამოსაღებნი უნდა იხდევინებოდეს წინანდელი ქართული ტარიფის მიხედვით. მხოლოდ ნაბლები ტფილისში გასასყიდათ გაშვებულ იქნას ასტრახანის ტარიფით, ხოლო საქართველოს

სხვა ქალაქებში მისი აქედან გატანის დროს გავრცელდეს ძველი ქალაქის რი წესი.

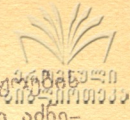
3. საბაჟოს დირექტორი და კოლნერი დაუჭემდებარდნენ საქართველოს მმართველს იმრიგად, რომ შემოსავლის შესახებ ანგარიშმოსხენებას საბაჟო უდგენდეს სახაზინო ექსპედიციას.

4. შტემბელის გამოყენება შემოღებულ იქნას მხოლოდ ერთ საბაჟოში, როველიც დაარსებულია ტფილისში“ (I-oe ИСЗРИ. Т. XXIX, № 22451, стр. 1009).

ამგვარად, დატოვებულ იქნა რა ძალაში ძველი ქართული საბაჟო ტარიფი, მეორე მხრით, საზღვრებიდან კონტრბანდი საქონლის შემოზიდვის წინააღმდეგ გაძლიერებულ იქნა საბაჟო საყარაულოებზე მეფელყურობა (I-oe ИСЗРИ, Т. XXIX, № 22699, стр. 1331) და აგრეთვე გაფართოვდა ტფილისის საბაჟოც (I-oe ИСЗРИ, Т. XXX, № 22957, стр. 177).

ამის შემდეგ, გასაგებია, სახელმწიფო კომერციულ კოლეგიას ხელი უნდა მოეკადა ამ ძველი ქართული საბაჟო ტარიფის შესწავლისათვის და გაუმჯობესებისათვის იმ მიზნითაც, რომ სახაზინო შემოსავალი გაედიდებინა.

არის კიდევ მეორე უმნიშვნელოვანესი გარემოებაც, რაც თავის მხრივ, უდაოდ გამოიწვევდა ცენტრში ქართული საბაჟო ტარიფით დაინტერესებას: რაკი საქართველოში დატოვებულ იქნა შინაგანი საბაჟოები, ცხადია იგი ეხებოდა აქ შემოტანილ რუსულ საქონელსაც... ცენტრალური ხელისუფლება ამ გარემოებამ წინააღმდეგობაში მოაქცია: ერთის მხრივ, მას გზა უნდა გაეხსნა აქეოკენ რუსული საქონლისა და ვაჭრობისათვის, მეორე მხრივ, აბრკოლებდა მას აქ შინაგანი საბაჟოების და ძველი ქართული ტარიფის ძალაში დატოვებით, რაც თავის მხრივ საგრძნობ შემოსავალს აძლევდა ხაზინას. ეს მეტად რთული საკითხი იყო. და აი, 1808 წ. სახელმწიფო კომერც.-კოლეგიამ საქართველოში ვაჭრობისა და საბაჟო საქმის შესასწავლად მოავლინა ნადვორნი სოვეტნიკი მოკეევი. მოკეევი, იმავე წელს, წარადგინა კომერც.-კოლეგიაში ვრცელი მოხსენება. სწორედ ამავე წელს არის შედგენილი — იქნებ მოკეევის ინიციატივით — ქვემოთ დაბეჭდილი ქართული საბაჟო ტარიფი. მოკეევი თავის საინტერესო მოხსენებაში (ინაუბა ლენინგრადში, „სახ. მეურნ. არქივში“) სხვათაშორის აღნიშნავს, რომ საქართველოს ყველა ქალაქში სხვადასხვა ზომის ბაჟია, ზოგან ამა თუ იმ საქონელზე მაღალი ტარიფია დაწესებული, ზოგან დაბალი; არ არსებობს მტკიცე, დაწერილი და უმაღლესი ხელისუფლების მიერ დამტკიცებული ტარიფი, რაც აღნიშნულია ქვემოთმო-

ყვანილ რუსულ ტექსტშიც. ეს კი ხელს უწყობდა საბაჟო-გამგებელთ თვითნებურად დაედგინათ ტარიფი, რაც ძალზე ამი-ღებს ვაჭრობის განვითარებასო, — წერს მოკვეფი. ამ დროს მთა-ვარი საბაჟო არსებობდა ტფილისში, სადაც იწმინდებოდა ყოველ-გვარი შემოტანილი საქონელი (AKAK, т. III № 607).

1808 წლის 24 ოქტომბრის თარიღით სახელმწიფო კომერც.-კოლეგიისადმი წარდგენილ მიმართებაში, რომელსაც დართული აქვს ქვემოთ დაბეჭდილი საბაჟო ტარიფი, საქართველოს მთავარსარდალი გენ.-ფელდმარშალი გრაფი გუდოვიჩი აღნიშნავს, რომ ამ „ქარ-თული ტარიფით ხელმძღვანელობდნენ ტფილისის საბაჟოში, რო-გორც საქართველოში შემოტანილ ისე საქართველოდან გატანილი სხვადასხვაგვარი საქონლიდან საფასურის (ბაჟის) აღებისასო (ЛОЦИА, Аpx. Нap. Xos., ფონდი ГKK., შეკვრა 74, № 191/1348).

ქართული საბაჟო ტარიფის სხვადასხვა ნაწილები, ზოგიერთ საბაჟოში რომ იყო მიღებული, რუსულად ითარგმნა უფრო ადრეც; საბაჟოების გამომსყიდველ-შეიჯარადრებებზე ხაზინის მიერ კონტრო-ლის დაწესების მიზნით. ამგვარი ნაწილობრივი ტარიფების ზოგი-ერთი ნუსხა დაბეჭდილიც არის კავკ. არქეოგრაფ. კომისიის აქტებ-ში¹. ჩვენ მიერ ქვემოთ გამოქვეყნებული ტარიფი დღემდე არ და-ბეჭდილა. ამ ტარიფის ჩაწერისა და რუსულად თარგმნის ერთ-ერთი მიზანი, ცხადია, ისიც იყო, რომ კომერციის მინისტრს ბოლოსდა-ბოლოს, უნდა განეხორციელებინა რუსეთის სავაჭრო კაპიტალის მოთხოვნილება საქართველოში თავისუფლად ვაჭრობისა, რისი მიღ-წვევაც მხოლოდ შინაგანი და მოზღოკის საბაჟოების მოსპობით და ირან-თურქეთის საზღვრებზე ასტრახანის საბაჟო ტარიფის დაწესე-ბით იყო მაშინ ნაგარაუდები. აქვე უნდა აღვნიშნოთ, რომ საქარ-თველოში შინაგანი საბაჟოები ზოგიერთი შესწორებებით, ამის შემ-დეგაც მთელი წლების განმავლობაში დარჩა ძალაში. ხოლო ამ შინაგანი საბაჟოების გაუქმების შემდეგაც მოზღოკის საბაჟო კიდევ მთელი ათეული წლების განმავლობაში განაგრძობდა ფაქტიურად არსებობას და ახორციელებდა კოლონიასთან ვაჭრობის იმ პრინ-ციპს, რაც გამოიხატება კოლონიიდან მეტროპოლიაში შეტანილი საქონლის დაბეგვრისა და, პირიქით წარმოებულ შეტანის თავი-სუფლებაში.

¹ ამ ნაწილობრივ და არასრულ ნუსხებზე იყო დამყარებული თავის დროზე პ. კარბელაშვილის მიერ საისტ.-საეთნოგრ. საზოგადოებაში ქარ-თული საბაჟო ტარიფის შესახებ წაკითხული მოხსენება.

ჩვენ აქ არ შევუდგებით ქვემოთ გამოქვეყნებული ქართული საბაჟო ტარიფის (რომელშიც სააქციზო ბეგარაც არის გათქვეფილი) არც ტექსტულურ და არც ცალკე მუხლებისა და განყოფილებების განმარტებას; ის როგორც პირველ ხარისხის ხოვანი მასალა ჩვენი ქვეყნის ეკონომიური ისტორიისათვის სპეციალურ გამოკვლევას მოითხოვს.

აღვნიშნავთ მხოლოდ, რომ ეს საბაჟო ტარიფი ჩაწერილია 1808 წელს ტფილისში. იგი, როგორც ჩანს, დაიწერა ჯერ ქართულად, შესაბამის საბაჟოების გამგებელთა ჩვენებისამებრ, ხოლო შემდეგ თარგმნილ იქნა რუსულად. რუსული თარგმანი ქართულ ტექსტთან შეუდარებია ალექსი პეტრიევს — იმ დროის ცნობილ მთარგმნელს. ქართული დედანი ჯერჯერობით აღმოჩენილი არ არის, იქნებ ჩვენ დრომდე არც კი შენახულა.

„ქართული საბაჟო ტარიფის“ რუსული თარგმანის დედანი ჩვენ მიერ 1935 წ. ივლისში აღმოჩენილ იქნა სსრკ ცენტრალური საისტორიო არქივის საცავის ლენინგრადის განყოფილების სახალხო მეურნეობის არქივში: ფონდი „Гос. Коммерц-Коллегий“, შეკვრა № 74. საქმე № 191/1348; ამჟამად იგი იქვე ინახება.

ქართული საგაზო ტარივის ტექსტი¹

I

ПОКАЗАНИЕ

С каких вещей какие берутся пошлины по прежнему положению присовокупив к оным вновь набавленные, а равно и для караулов взимаемые, по челмекской статье, что ныне именуется таможенными сборами:

I

Со всех привозимых материй: шелковых, бумажных и шерстяных, кои вымеряемы бывают на аршин, берется в пошлину с двадцати, одна часть, для караулов же взимается смотря на вьюк.

2

С лазури и с канцелярского семени берется также в пошлину с двадцати, одна часть, а для караулов смотря на вьюк.

3

С мелочных вещей, как то, с сахару, стали, с сакиса (вещь употребляемая в азийских землях более для жевания) с нашатыря и с протчих, именуемых дробными вещами, коих поимянно описать невозможно, с каждого вьюка берется в пошлину 4 р. если же сии вещи бывают привозимы с персидской стороны, тогда сверх пошлин берется для караулов с вьюка 60 к.

4

С хлопчатой бумаги, привозимой из Эрвана, берется в пош-

¹ ტექსტი იბეჭდება თავისი მართლწერით; გავასწორეთ მხოლოდ წერითა ლამუსებში.

лину с вьюка 2 р. а для караулов 30 к., когда тот самый привезший бумагу, вывезет в карталинию для вымену на пряденую бумагу или на бязь, то таковой платит еще в пошлину с вьюка 1 р. за выпуск, естли оттуда привезет пряденую бумагу, то с каждой литры (литра составляет с небольшим 8 фунтов) платит в пошлину 10 к., естли же привезет оттуда бязь, то с оной пошлин не взыскивается, равным образом поступить должно и тогда, когда он вывезет хлопчатую бумагу в Кахетию, с тою только отменою, что с привезенной оттуда бязи взыскиваются пошлины.

5

С чернильных орехов взымается с вьюка в пошлину 2 р. и для караулов 60 к.

6

С клейстера берется в пошлину с вьюка 2 р. и для караулов 60 к.

7

С миндальных орехов, с изюма и с протчих привозимых тому подобных сушевых фруктов, с вьюка взымается в пошлину 3 литры, а для караулов 60 к.

8

С выделанных сафианов берется в пошлину с вьюка 4 р. и для караулов 60 к., естли же бывають привозимы не в полных вьюках, то с 5-ти сафианов берется 20 к. с привозимых же из России красных и черных с 20-ти берется один сафиан.

9

С железа и квашов доставляемых возами, с каждого воза взыскивается в пошлину 4 р. 85 к. естли же привезший вывезет куда нибудь, то с воза платит также за выпуск 2 р.

10

Когда же железо и квасцы бывають привозимы на вьюках, то в пошлину и для караулов взыскивается с вьюка 97¹/₂ к.

11

С российского же железа доставляемого на возах взымается

в пошлину с каждого воза 8 р., естли, же бывает оноез зимо на вьюках, то с вьюка берется 1 р. 80 к.

12

С подков привозимых на вьюках, берется в пошлину и для караулов с вьюка 1 р. 80 к.

13

Со всех материи привозимых из России, кой вымеряемы бывают на аршин, берется в пошлину с двадцати одна часть, но когда оные материи бывают привозимы казенными людьми, из таковых пошлин третья часть отдается патриарху, естли же материи привозятся патриаршими или иными церковными подданными, то все пошлины с патриарших подданных принадлежат патриарху, а с протчих также духовенству, управляющему оными церквами.

14

С привозимых из России мехов берется в пошлину с двадцати одна часть, из сих пошлин третья часть принадлежит также патриарху.

15

С сахару, олова, нашатыря и с протчих мелочных вещей, именуемых дробными, привозимых из России, взимается в пошлину с вьюка 4 р. из коих пошлин естли вещи оные привезены казенными людьми, третья часть отдается патриарху.

16

Заводчик, когда из заводов привозит на продажу медь или свинец, им выделанные, не платит никаких пошлин, но купец, который купит оные и вывезет, платит с полпуда в пошлину 20 к. естли заводчик продаст купцу на заводах, то и тогда купивший оные, сюда ли привезет или повезет в другие деревни а равно и в чуждую землю, отдает в пошлину с полпуда 20 к.

17

С ружейного ствола, которой имеет фигуру с крапинками берется в пошлину $22\frac{1}{2}$ к., с гладкого же и простого $12\frac{1}{2}$ к.

18

Когда привезенный шелк будет продан, то покупатель, естли

издержит здесь, платит в пошлину с полпуда 1 р. 15 к. сы, естли же повезет в чужую землю, тогда сверх оных пошлин берется еще для караулов с полпуда 20 к.

19

С привозимых из Арзерума или из других земель медных вещей берется в пошлину с вьюка 4 р. и для караулов 60 к.

20

С привозимых не выделанных кож берется в пошлину с вьюка 1 р. и для караулов 40 к.

21

С каждой выдры берется в пошлину 10 к;

22

С каждого бобра берется в пошлину 5 к., с бобровой же струи получается в пошлину с двадцати одна часть.

23

С куницы: с желтодушки берется в пошлину 10 к., а с белодушки 5 к., с лисицы же 2 к.

24

С соли, доставляемый на возах, берется в пошлину с каждого воза 2 р., а с привозимой на вьюках с четырех камней или кусков взимается в пошлину $77\frac{1}{2}$ коп.

25

С сарацинского пшена и с фасолей получается с вьюка в пошлину и для караулов $60\frac{1}{2}$ коп.

26

С хлеба, из татарских деревень привозимого на вьюках, берется с вьюка для караулов 8 к.

27

С черных фиников и с гречких орехов берется в пошлину и для караулов 40 к.

28

С яблоков, ввозимых в банные ворота на вьюках, берется с вьюка, в пошлину и для караулов 12 коп.

29

С коровьяго масла, с меду и с сала берется с вьюка в пош-
лину 1 р. и для караулов 30 к.

30

С луку берется в пошлину с вьюка 14 к.

31

С пригоняемого рогатого скота с каждого берется для ка-
раулов 20 к.

32

С пригоняемых овец, с каждой берется для караулов 5 к.

33

Естьли же бывают пригоняемы мясником, то с рогатого ско-
та берется 10 к. а с овцы 3 к.

34

С постного масла пошрины отдаются откупщику рыбной ста-
ты, а для караулов берется с вьюка 30 к.

35

С рыбы доставляемой на возах, пошрины отдаются откупщику
той статьи, а для караулов берется с воза 20 к.

36

Когда же привозится рыба на вьюках, то с вьюка берется
для караулов 10 к., а пошрины отдаются откупщику рыбной
статьи.

37

С маслинных ягод пошрины отдаются откупщику рыбной ста-
ты, а для караулов берется с вьюка 30 к.

38

С рыбы, именуемой гелакнури, пошрины отдаются откупщи-
ку рыбной статьи, а для караулов берется с вьюка 20 к.

39

С листового табаку берется для караулов с вьюка 50 к.

40

С серы берется в пошлину и для караулов с вьюка 2 р. 60 к.

41

С селитры берется в пошлину и для караулов с вьюка 1 р. 10 коп.

42

С марены получается в пошлину с полпуда 10 к., еще по кахетской откупной статье получается с марены в пошлину с полпуда 10 к.

43

С конопляной пряжи привозимой берется в пошлину с литры 5 к.

44

С привозимого воску берется в пошлину с литры 10 к.

45

С кишковых струн привозимых пучками или по здешнему названию, в дасти, с каждой дасти берется в пошлину 10 к.

46

С привозимых выделанных юфть, кои именуются сагры, с каждой юфти берется в пошлину 10 к.

47

С угольев привозимых из татарских деревень берется для караулов с вьюка 5 к.

48

С поташу, привозимого для делания мыла, берется с вьюка в пошлину и для караулов 50 к.

49

С сыру берется в пошлину и для караулов с вьюка 27 1/2 к.

50

С шерсти берется с вьюка в пошлину 1 р. и для караулов 30 коп.

51

С вывозимой обуви, называемый цага (წოლა) и коши (ქოში), с каждой пары берется в пошлину 2 к.

52

С хрустальной или стеклянной посуды берется в пошлину с 15, а иногда с 20 одна часть, равным образом с фарфоровой саксонской и простой посуды.

53

С привозимых дынь и арбузов пошлины отдаются откупщику рыбной статьи, а для караулов берется с вьюка 2 к.

54

С кубачинского сукна, какой бы доброты оно ни было, с каждого конца берется в пошлину 20 к.

55

С привозимых из Елисаветноля патронниц; берется с каждой в пошлину 10 к.

Поелику не имеем писменного на сборы пошлин положения, то мы увидя какую вещь и тогда спомня об ней взыскиваем пошлины, может статься, что я что нибудь упустил, или что либо с излишеством либо с уменьшением написал, то я в том ответу себя не подвергаю. Иван Осипов сын Мушрибов подписуюсь.

ПОКАЗАНИЕ

С каких вещей какие берутся пошлины при вывозе оных

1.

Лезгинцы за привезенные им бурки, сукна и шарвары пошлин не вносят, но купивший у них когда вывезет отсель с каждой бурки платит в пошлины 20 к., да для караулов смотря на вьюк.

Кто, купив у лезгинцов или у горских жителей, вывезет зипун, шитой на большой рост и большой конец сукна, то с каждой штуки берется в пошлину 10 к.

3

С вывозимых Аварских сукон, также других малых концов сукон и детских зипунов берется в пошлину с каждой штуки 5 к. да для караулов смотря на вьюк.

4

С вывозимых шарвар берется в пошлину с каждой штуки $2\frac{1}{2}$ к., да для караулов смотря на вьюк.

5

С вывозимых меду, масла коровьяго и сала взимается в пошлину с вьюка 1 р. да для караулов 30 к.

6

С вывозимых мехов берется в пошлину с двадцати одна часть, да для караулов смотря на вьюк.

7

Когда кто привезший из России канцелярское семя или другие какие товары, сам же куда либо повезет, то он с десяти рублей платит в пошлину $16\frac{3}{4}$ к., естли же иной купивши у него, вывезет тогда тот вносит в пошлину с десяти рублей 50 коп.

8

С вывозимого козьяго пуха берется в пошлину и для караулов с вьюка 4 р. 60 к.

9

С вывозимой же шерсти козьей взимается с вьюка 2 р. 60 к.

10

С привозимых из Карталинии травяных корешков, называемых по грузински Гор-да-салами, не берется пошлины, но кто купив

оние вывезет, тогда взимается с вьюка в пошлину и для караулов 2 р. 60 к.

11

С вывозимых фруктов, грецких орехов и фасолей берется с вьюка в пошлину и для караулов 60 к.

12

С вывозимой в плитах меди берется в пошлину с полпуда 20 к., а с посуды медной с литры 10 к.

13

С вывозимой шерсти берется в пошлину и для караулов с вьюка 1 р. 30 к.

14

С вывозимой марены берется с вьюка в пошлину и для караулов 1 р. 60 к.

15

С вывозимых козлов берется с вьюка в пошлину 4 р. Если же бывают вывозимы не в полных вьюках, тогда взимается сообразно сему, смотря на количество оных. На таком же основании, как под первым показанием подписуюсь Иван Осипов сын Мушрибов.

16

Со всех вывозимых в Россию товаров взимается в пошлину 40 к. с каждых десяти рублей, из сих пошлин третья часть принадлежит патриарху.

17

С каждой вывозимой выдры берется в пошлину 10 к.

18

С каждого вывозимого бобра берется в пошлину 5 к.

19

С боброй струи берется в пошлину с 20-ти одна часть.

С вывозимого шелку сирпом берутся только весовые пошлины; с вываренного же шелку взимается в пошлину с мотка 10 к.

На таком же основании, как под первым показанием подписуюсь Иван Осипов сын Мушрибов.

С марены кроме пошлин получается еще с полпуда 1 р. под названием малии.

С черного железа привозимого из Елисаветполя, из Болниса и из других мест получается в малию, с каждой литры 10 к.

С русского железа получается в малию с литры 16 к.

С канаплей получается с литры в малию 50 к.

Подписуюсь на таком же основании, как под первым показанием, Иван Осипов сын Мушрибов.

Хотя Кахетинские пошлины состоят у нас на откупу, но как мы неизвестны с каких вещей какие берутся пошлины в Кахетии и в Кизиках, то представим показание оных тогда, когда получим сведение о тамошнем учреждении

II

Учреждение стемпельной статьи в Тифлисе

С невыбеленой бязи с каждых десяти аршин берется 2 $\frac{1}{2}$ к. когда ж таковую бязь выкрасят в красной цвет тогда с 10-ти аршин получается еще 5 к.

Когда из бязи сделана будет выбойка, то с 10-ти аршин берется 2 к. $\frac{1}{2}$, также если бязь выбелят и выгладят, берется с 10-ти аршин 2 к. $\frac{1}{2}$.

Когда бязь выкрасят на бурбет лазурью, тогда ничего не взимается, если выкрасят иною краскою тогда с 10-ти аршин берется 2 к. $\frac{1}{2}$, если же выкрасят в темно-малиновой цвет, то с 10-ти аршин получается 5 к.

С привозимых из Карталинии и Кахетии красных бурметей, берется с каждых 10-ти аршин 7 к. $\frac{1}{2}$.

С привозимой оттоль-же набойки берется с 10-ти аршин 5 коп.

С привозимой оттудаже тонкой выбеленной бязи берется с 10-ти аршин 5 к. с высиненной же с 10-ти аршин 2 к. $\frac{1}{2}$.

Подписуюсь откупщик Осип Арешов.

III

Учреждение весового откупа

Кто купит лошадь или катера, тот обязан заплатить в пошлину 30 к.

Купивший осла должен заплатить 20 к., а купивший вола обязан заплатить 10 к.

За каждую рогатую скотину, которая будет зарезана в мясном ряду, взыскивается 10 к.

С каждого воза привозимой муки или пшеницы, ячменя и поташа взыскивается за весы 10 к., но с сих же вещей, когда оные бывають привозимы с Сомхетской стороны и естли не будут взвешены, ничего не взыскивается.

С каждого камня соли взыскивается за весы 1 к.

С каждого вьюка, привозимого откуда то ни было сарацынского пшена, хлеба, ячменя и поташа, взыскивается 2 к.

Естли хлончатая бумага и шерсть будут взвешены на весах, то с каждого тюка взыскивается 5 к.

Патриаршие же подданные за все такового рода вещи, купленные или привозимые ими вносят половину противу сего положения.

Из сей весового откупа суммы отдается ежегодно патриарху 10 р.

Откупщик весовой статьи Иосиф Исаков руку прилагает.

IV

Учреждение пошлин по рыбному откупу

С каждого воза привозимой рыбы взыскивается в пошлину 3 р. 40 к., естли тот же самый хозяин вывезет отсюда оную рыбу, то он платит половину пошлин, иной же купивший ее при вывозе вносит полные пошлины.

С каждого вьюка привозимой рыбы как свежей, так и сухой взыскивается в пошлину 80 к.

С лососей и севрюг взыскивается в пошлину с вьюка две рыбы с половиною.

С рыбы, называемой гелакнури и фарелей с вьюка 24 рыбы, но при ввозе для уменьшения пошлин из двух вьюков составляют привозчики один вьюк, сверх сего с каждого мешка берется еще 20 к.

С маслинных ягод берется в пошлину с вьюка 2 литры с половиною.

С дынь и арбузов берется с вьюка 10 к.

С постного масла берется с вьюка 1 р. 10 к.

Откупщик рыбной статьи Егор Давыдов.

V

Положение мыльного откупа

Кто найдет у откупщика котел, тот за каждое сварение воном мыла платит 1 р. 20 к., также за кувшины, в коих держится мыльная вода, платит 2 р. да за глиняную кадку, в которой выстивает мыло, 15 к., а мастеру за варение отдается с каждого пуда 25 к.

Откупщик мыльного котла Оанес Бежанов.

VI

Показание откуда какие берутся пошлины по мясному откупу

С кожевников получается ежегодно по положению 280 р.

С мясников также берется ежегодно 60 р.

За убой каждого буйвола берется 80 к. или 2 литры сала.

За убой быка или коровы, также барана получается с каждого 20 к.

За убой же козла 35 к.

За убой свиней с каждой свиньи берется 10 к. если снять шкуру, ежели же опалят, то берется 5 к.

Мясной откупщик Исая Шакаров сын Юзбашов руку приложил.

VII

Положение винного откупа

С каждого воза вина берется в пошлину 1 р. 15 к.

С каждой тунги спирту берется 5 к.

С каждой тунги араки берется 2 $\frac{1}{2}$ к.

Для Моурова берется с каждого воза 40 к.

Патриаршие подданные платят пошлину за спирт и араку а иерусалимские не платят и за оные.

Винной откупщик Ис ай Шакаров сын Юзбашов руку прилагаю.

VIII

Показание доходов по Минбашскому откупу

Что только на возах будет привезено выключая хлеба с каждого воза берется 10 к.

Что только привезено будет в вьюках с каждого вьюка берется 2 $\frac{1}{2}$ к.

От Дирсичальского и Ортачальских садов получается 100 р.

Когда пригонят овечьи или ягнячий стада, то с каждого стада берется по одной овце или по одному ягненку.

Когда привозят на возах дрова или хворост, то берутся дрова и хворост.

Ис ай Шакаров сын Юзбашов руку прилагаю.

IX

Положение месячного пятикопеешного сбора

Со всех лавок, кроме патриаршей и иерусалимских подданных собирается каждой месяц по 5 к.

Ис ай Юзбашов руку прилагаю.

X

Положение табашного откупа

Кто привезет листовой табак должен продать откупщику багман, то есть полпуда по 80 к., а табашной откупщик должен продавать литру листового табаку по 2 р., а молотого табаку по 4 р. — Табашной откупщик Соломон Картвелов руку приложил.

О П Е Ч А Т К И

Ст-ца	Стр.	Напечатано	Должно быть
247	2 снизу	воиять-таки	опяь-таки
247	1 "	ыразиться,	выразиться
285	10 сверху	коронных	коренных
287	10 сверху	Холя	Хотя

В статье Полиевктова (247—290) всюду, где упоминается Персия, нужно читать Иран.

5.55 / 279